

МНО «НАУКА БЕЗ ГРАНИЦ»

Ежемесячный научный журнал

№ 2 (20) / 2016

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П

- Азарова Э.Н. — д.ф.н.
- Бербик З.В. — д. филос.н., член РАН
- Михайлова Т.Н. — д. ф. н.
- Незамичев К.К. — д.п.н.
- Остюшкин Д.П. - д.ф.н.
- Петрусинская Н.Я. — д.п.н.
- Поганяйло С.О. — д.филос.н.
- Самроский Д.Ю. — д.и.н.,
- Чижиков П.П. — д.п.н.
- Фамильцев Р.Ф. — д.соц.н., научный сотрудник РАН
- Шелудько О.З. — к.ф.н.
- Шевцова О.В. — д.полит.н.
- Яремчев Ю.Е. — д.филос.н.

Ответственный редактор:

д.фил.н. Андреева И.В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Международные индексы:

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П

 Азарова Э.Н. – д.ф.н.

 Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН

 Михайлова Т.Н. – д. ф. н.

 Незамичев К.К. – д.п.н.

 Остюшкин Д.П. - д.ф.н.

 Петрусинская Н.Я. – д.п.н.

 Поганяйло С.О. – д.филос.н.

 Самроский Д.Ю. – д.и.н.,

 Чижиков П.П. – д.п.н.

 Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН

 Шелудько О.З. – к.ф.н.

 Шевцова О.В. – д.полит.н.

 Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Художник: Азарова Катерина Тихоновна

Верстка: Ручников Сергей Антонович

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.*

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

Адрес электронной почты: info@mnoborders.ru

Адрес веб-сайта: <http://mnoborders.ru/>

Учредитель и издатель МНО «Наука без границ»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Азизова А.О.

ВОСТОЧНАЯ МИФОЛОГИЯ В ПРОЗАИЧЕСКИХ
ЖАНРАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАЗАХСТАНА4

Баянбаева Ж.А.

АЛМА-АТА В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ Ю.
ДОМБРОВСКОГО7

Екатерина А.П., Альмира Р.А.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ПОПУГАН»
КАК ОДНА ИЗ ФОРМ САМОВЫРАЖЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ 9

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Кокова А.В.

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «БИЗНЕС-ЛЕДИ» В
ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ13

Лось А.Л.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАЧЕСТВА ВОСПРИЯТИЯ И
ВИЗУАЛЬНОЙ ВЫДЕЛИМОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И
РУССКОМ ЯЗЫКАХ15

Elena Rozova

THE PURPOSE OF USING AUTHENTIC MATERIALS IN
THE SECOND LANGUAGE CLASSROOM19

Сабиралиева З.М.

РОЛЬ МЕЖДОМЕТИЙ В СОЗДАНИИ АНЕКДОТА22

Самарин Д.А.

НОРМАЛИЗАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР ПисьМА В
ЯЗЫКЕ 25

Цынк С.В.

ОПИСАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ
ЛИЧНОСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА (НА ПРИМЕРЕ
АНАЛИЗА «ФИЛОСОФСКИХ» ИНТЕНЦИЙ
ИСТОРИЧЕСКОГО ОЧЕРКА «ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ»)28

Шаталова Е.Е., Исаева Е.В.

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ АННОТАЦИЙ
(на материале статей научной и технической
тематик)..... 33

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Азизова А.О.

ВОСТОЧНАЯ МИФОЛОГИЯ В ПРОЗАИЧЕСКИХ ЖАНРАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАЗАХСТАНА

PhD докторант КазНУ им. аль-Фараби
Алматы, Казахстан

EAST MYTHOLOGY IN PROSAIC GENRES OF THE RUSSIAN LITERATURE OF KAZAKHSTAN

Azizova Ainur

PhD Doctoral of the KazNU named after Al-Farabi

Almaty, Kazakhstan

Аннотация

В статье рассматривается восточная мифология в прозаических жанрах русской литературы Казахстана. Анализируются произведения Всеволода Иванова, Ивана Шухова, Сергея Маркова. В статье излагается, как наиболее широко и продуктивно русские писатели Казахстана использовали фольклорные традиции, тяготение к приемам заимствованным из фольклора не только русского, но и казахского народов. Автор приводит иллюстрирующие и подтверждающие основные положения статьи.

Ключевые слова: фольклорные традиции, восточная мифология, жанр, повествование, проза.

Abstract

In article east mythology in prosaic genres of the Russian literature of Kazakhstan is considered. Vsevolod Ivanov, Ivan Shukhov, Sergey Markov's works are analyzed. In article it is stated as most widely and productively Russian writers of Kazakhstan used folklore traditions, inclination to the receptions borrowed from folklore not only the Russian, but also Kazakh people. The author gives the illustrating and confirming basic provisions of article.

Keywords: folklore traditions, east mythology, genre, narration, prose.

Можно с полным основанием утверждать, что русские писатели Казахстана осваивали окружающую действительность через собственное национальное видение, поэтому органично их обращение к фольклору и использование устно-поэтических традиций. Писатель или поэт может заимствовать из фольклора образную систему, либо фольклорные средства воссоздания действительности или вводить в свое повествование конкретный фольклорный текст (песню, пословицу и т.д.) или жанр (сказку, притчу, легенду и т.д.).

Уже в ранних произведениях Всеволода Иванова, Сергея Маркова, Леонида Мартынова, Николая Анова, Ивана Шухова, Павла Бажова и других можно обнаружить явное тяготение к приемам, заимствованным из фольклора не только русского, но и казахского народов. Вспомним, что рассказ Ивана Шухова «Последняя песня» был создан на основе трансформированной легенды о всепобеждающей силе искусства.

Такой же фольклорный принцип лежит в основе песенного цикла Всеволода Иванова «Самокладки киргизские», созданного в 1921 году. В четырех стихотворениях, входящих в этот цикл («Таразы», «Ольген-кумыс», «Той», «Башмачки») можно обнаружить излюбленный поэтами того

времени прием романтической стилизации, ориентированной на песенный фольклор казахов. Она предполагает вживание в атмосферу иной культуры, что позволяет понять своеобразие инонационального характера. Исследователи отмечают, что Всеволоду Иванову удалось передать замеченную у казахов и близкую ему самому «высокую веселость» в восприятии жизни:

От аула тянет дымом,
Иноходца не содержать...
«На седло, моя кызымка!
Трудно будет нас поймать!»
Эй, карачаны, сторонись!
Шире, шире, степь!
Мы помчались, понеслись-
Тэп... тэп... тэп...

[«Таразы»: 1, с.11].

Попытка передать дух степняков, их жизнелюбие, оптимистическое мироощущение сочетается с литературной игрой, с пробой экзотической стилевой манеры.

Но наиболее широко и продуктивно русские писатели Казахстана использовали фольклорные традиции в прозаических эпических жанрах. В начале 20-х годов XX века они выполняли

функции беллетристов-этнографов, ориенталистов и, как говорил про таких людей М.Горький, «они дали огромный материал к познанию экономического быта страны, особенностей ее народа, изобразили нравы, обычаи, его настроение и желания» [2, с.21]. Сергей Марков в первых рассказах о событиях в новом Казахстане «Арабские часы», «Голубая ящерица», «Халат Десяти Светил», «Камень Черного Калмыка» и др. избирает фольклорный прием введения в повествование сюжетов древней восточной мифологии, что находит отражение уже в заглавии рассказов. Исторические и религиозные легенды являются средством характеристики психологии героев, помогает понять мироощущение степняков, подчеркивают традиционность их мышления и отношения к происходящим изменениям в жизни. Все это позволяет драматизировать сюжет и придает повествованию восточный колорит.

Жанр устного сказа, получившего вторую жизнь в 20-е годы, стал своеобразной формой мышления и художественного освоения жизни. Особое пристрастие к нему проявлял Всеволод Иванов в цикле «Седьмой берег», где в основу положена древняя казахская легенда о седьмом берегу – берегу счастья, и сложном по структуре повествования романе «Похождения факира», вобравшем в себя элементы старого плутовского романа, пародийные черты романа путешествий и приключений. Но не меньшую по значимости функцию в этом романе выполняют вкрапления в текст песен того времени, описания народных обрядов, увиденных и услышанных молодым героем-повествователем.

Но наиболее явственно фольклорная стихия проступает в произведениях Ивана Петровича Шухова, особенно в последних сочинениях, посвященных детству и отрочеству писателя – автобиографической трилогии «Пресновские страницы».

Сюжет второй повести «Трава в чистом поле» развивает тему счастливого детства станичного мальчишки. Основная авторская мысль выражена в эпиграфе из стихов Александра Твардовского:

Я счастлив тем, что я оттуда,
Из той зимы,
Из той избы.
Я счастлив тем, что я не чудо
Особой, избранной судьбы.
Мы все, почти что поголовно
Оттуда люди, от земли
И дальше деда родословной
Не знаем... [3, с.47]

Ведущим мотивом становится утверждение о том, что герой – «не чудо особой, избранной судьбы». Он – из простой крестьянской семьи, «от

земли», «из той избы», поэтому в основе повествования лежат эпизоды, рассказывающие о повседневном быте казаков, о нелегком крестьянском труде, который в радость не только взрослым, но и маленькому герою – «бороноволоку» - работнику семи годков от роду». Мотив причастности его к труду пахаря, чувства гордости за свой род, ощущения праздника в душе развивается в сценах массового выезда станичников на пашни. «Этот массовый, как теперь сказали бы, выезд в самом деле походил на некий обрядовый праздник» [4, с.48], которому радуются все: кони, собаки, дети, взрослые, сама природа и земля. Такой стихийный натурфилософский взгляд на мир присущ обыкновенному станичному мальчику, включющему в орбиту своего существования все, что его окружает: «Моим был чудесный, немножко даже таинственный, необыкновенно какой-то ладный, уютный, крытый дерном балаган, похожий на степную аульную юрту. Моим было милое сердцу озеро Питерово <...>. Моими были попарно плавающие по раздольному озерному плесу белые лебеди – независимые, вольнолюбивые, гордые. Моим был здесь каждый стебелек голубой мелколистной полынки. Моей была малоторная, сбивчая проселочная дорожка, убегавшая с пашни к дому. Моими были и дремучие прибрежные камыши...» [4, с.50]. Ощущение радости, восторга сквозит в каждом эпизоде воспоминаний из второй повести И.Шухова.

Тема детского счастья, радости бытия раскрывается во многих эпизодах, в которых кульминацией является не то или иное событие или поступок героя, а ощущение главным героем, автором воспоминаний, своей значимости в этой жизни, нужности окружающим, житейского счастья. В сцене спасения Игренька, любимого всей семьей коня, «чудом вырвавшегося из цепких рук лихих конокрадов» и подчинившегося не старшему брату Ивану («К ему сейчас ни с какой стороны никому из нас приступу нету!»), а маленькому Ване: «Вот тут-то вдруг я и почувял себя не верхом на любимом картинном коне – на седьмом небе!» [4, с.61]. Способ передачи его счастливого состояния, ощущений, переживаний, чувств меняет ритм шуховского повествования: «Я был счастлив. От многого. От покорного мне Игреньки. От ласковых слов матери. От похвал отца. От баловавшихся со мной сестер. От расточительных посулов полузахмелевших братьев. От новенькой моей – поднебесного цвета – ситцевой рубашонки, сшитой руками Даши. От ярких, как ярмарочные карусели, девичьих хороводов среди улицы. От венков, свитых из полевых цветов, украшавших головы наших незамужних станичных красавиц. От того, как потом наш Иван, сидя

на завалинке, играл на своей саратовской гармонике с колокольчиками «Златые горы», а Дмитрий, сидевший с ним рядом, угрожающе, с вызовом пел: «Так бежать я с им решила, поверив клятве роковой. На божий храм перекрестилась, с слезой взглянув на дом родной!...» [4, с.61]. Как видим, рассказ о событиях одного дня переходит в лирическое обобщение, передающее взволнованные чувства героя. Оно отличается по своей ритмико-синтаксической конструкции от предыдущего повествования. Словесно-ритмические повторы, вынесение на первое место дополнения, параллельные конструкции создают поэтически приподнятое настроение и приближают речь героя к народно-песенной традиции.

Повествование о детстве – счастливой поре в жизни человека – необходимо писателю, чтобы показать пути и способы воспитания личности в начале XX века. Поэтому в воспоминаниях Шухова немалое место занимает тема искусства и его роль в жизни казаков, в частности, членов семьи Шуховых и в судьбе самого главного героя.

Автор в подробностях восстанавливает быт казачьей станицы в 10-ые годы XX века, обстоятельно описывает немудреные предметы домашнего обихода, нехитрые хозяйственные пожитки, пресновский пейзаж. Сам главный герой показан в самой непосредственной связи с окружающим его миром. Он находит общий язык с любимцем – конем Игреньком, на короткой ноге с собакой Терзаем (имена собственные здесь также «значащие»), он любим всеми домашними, и это составляет сущность его счастья. Взросление, мужание его происходит на глазах любящих его людей. Поновому этот герой раскрывается в сцене званого ужина во время Троицы. Память Шухова – писателя остра и поразительно точна; он восстанавливает в мельчайших подробностях тот вечер: отсутствие огня (из-за боязни пожара), вкус стряпни матери, поведение гостей, разговоры за столом, танец отца, свое поведение. Наблюдения героя за происходящим несут печать пристрастного авторского видения. Поэтому им избран оригинальный способ подачи воспоминаний: в центре повествования он сам в семилетнем возрасте, его отец и мать: «Мама потчевала гостей всякой всячиной» [4, с.62]; «Отец выставил на стол заветную бутылку казенной водочки...» [4, с.62], «Отец хвастал – мной и Игренькой» [4, с.63], «Расторопная, шустрая, как девчонка, она, потчужа захмелевших родичей и соседей, металась – метла метлой от стола к столу, из дома к столу», «...было видно, что она задевала за душу стариков и старух, размлевших, потешных, слегка закуражившихся от изобильного, затяжного застолья.

Задевала – многим.

Открытым доброжелательством. Радостный – на крыльях – готовностью послужить людям. Доверительный, не покидавшей ее полуспешихся от хлопот, от волнений старческих губ – молодой, по-девичьи застенчивой, полувиноватой улыбкой...» [4, с. 64]. По-другому раскрывается в этом эпизоде отец: «Отец показался мне в этот вечер не то чтобы хмельнее, а веселей, шумливее, радостнее всех наших гостей. <...>

А окрыляло, радовало, волновало отца сейчас многое. И внезапное возвращение домой вырвавшегося из цепких конокрадовских рук Игреньки. И дружные, буйные всходы на пашне... <...>. И гнедая наша кобыла, ожеребившаяся вчера. И вот эта нехитрая праздничная пирушка с родичами и соседями – посреди открытого, чисто выметенного двора – при заколдованном, сумном свете взмывшего над станицей полноликого месяца...» [4, с. 72].

Воспоминания автобиографического характера воспринимаются как «одно из средств духовной преемственности поколений и один из показателей уровня цивилизованности общества, его сознательного отношения к своему прошлому, и к своему бытию вообще» [5, с. 35]. В них находят отражение «переломные этапы умственного развития личности, понимания ею «себя в мире» и «мира в себе» [5, с. 35]. В них проявляется «в наиболее чистом виде» «острая потребность прямо рассказать о своей жизни». И неотъемлемой частью такого рода сочинений становится авторская субъективность, которая становится структурообразующим принципом повествования. Другая их особенность – ретроспективность, то есть обращенность в прошлое. Это помогает автору воспринимать происшедшие события иначе, чем в момент их свершения, учитывать при этом имеющуюся информацию, свой накопленный опыт и, с другой стороны, избавиться от излишней субъективности и ошибок. Способ отражения действительности в воспоминаниях – «обдуманное воссоздание» прошедшей жизни. Такая микроструктура характерна для многих произведений этого жанра, ибо предметом является «определенный фрагмент прошедшего или быстротекущей и уходящей в прошлое современности. Именно эти особенности автобиографии как жанра определяют своеобразие повествования «Пресновских страниц» И.П. Шухова и свидетельствуют о пристрастии писателя к фольклору. Это является отличительным признаком прозы русских писателей Казахстана.

Литература:

1. **Иванова В.С.** Самокладки киргизские // Искусство. Журнал искусств. Литературы и техники. Временник Публитосекции и

Сибирского художественно-промышленного института (Омск). – 1921-№1, с. 10-12.

2. **Горкий М.** История русской литературы в 3 т. - т. 2. - М.: Гослитиздат, 1939.

3. **Мусрепов Г.** Колокола жизни // Вечерняя Алма-Ата, - 1972. - 19 мая.

4. **Шухов И. П.** Трава в чистом поле // И. П. Шухов. Собр. соч. В 5 томах - т. 3. – С. 47-109

5. **Шухов И. П.** Колокол // И. П. Шухов. Собр. соч. в 5 томах. – т.3. – Алма-Ата: Жазушы, 1982. – С.6-74.

Баянбаева Жадыра Амангельдиевна

АЛМА-АТА В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ Ю. ДОМБРОВСКОГО

*аспирант кафедры русской и зарубежной литературы РУДН,
ст. преп. КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан*

*ALMA-ATA IN CREATIVE DESTINY OF YU. DOMBROVSKY Bayanbayeva Zhadyra
graduate student of chair of the Russian and foreign literature of RUDN,
senior teacher of Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan*

АННОТАЦИЯ

В статье освещается литературный процесс Казахстана, рассматриваются вопросы межкультурных контактов в литературе. Статья посвящена исследованию процесса развития образа города в творчестве Ю. Домбровского. Анализируется специфика эстетического восприятия города писателем. Также в статье затрагиваются вопросы использования инонациональной темы, способствующей единению различных культур.

Ключевые слова: творческая личность; межкультурные контакты; художественный образ; художественное пространство; синтез; литературный процесс.

ABSTRACT

Literary process of Kazakhstan is covered in article, questions of cross-cultural contacts in literature are considered. Article is devoted to research of development of an image of the city in Yu. Dombrovsky's creativity. Specifics of esthetic perception of the city are analyzed by the writer. Also article is devoted to questions of use of the inonatsionalny subject promoting a unification of various cultures.

Keywords: creative person; cross-cultural contacts; artistic image; art space; synthesis; literary process.

Литература как высшая из форм проявления языка, шире – языкового сознания – отличается разомкнутостью и контактностью. Таковы ее «видовые свойства». Это подвижный, реагирующий вид искусства, внутри которого происходит комбинаторика огромного количества идей, в том числе и такие сложные процессы, как литературная «аккультурация», т.е. подстраивание творческой личности писателя под новую для него культурную реальность.

Открытость литературной системы обусловлена одной из базовых ее функций – гносеологической. Литература – своего рода «эстетизированная философия», в центре внимания которой находится Человек, его внешнее и внутреннее Бытие. Смена художественных парадигм *внутри* литературы с этой точки зрения закономерна: каждое направление предлагает свой ракурс «видения» познаваемого феномена. Естественен и интерес литературы к *Другому*, будь это другая (например, инонациональная) литература, герой и даже топос (вспомним многочисленные «бегства в экзотику» героев общеевропейского романтизма). Отсюда еще одно важное свойство данной

семиотической системы: *диалогичность*, проявляющаяся как в установлении межкультурных контактов, так и на уровне межтекстовой переклички.

Такие межкультурные контакты всегда приводят к зарождению некоего синтезированного художественного пространства. Чаще всего этот процесс проходит все стадии гегелевской триады: «тезис – антитезис – синтез». «Тезис» как воздействующая литература нередко встречает сопротивление («антитезис») со стороны сложившейся литературной традиции, которая производит фильтрацию всего чужеродного. В то же время происходит и освоение всего «приемлемого», будь это система жанров, форма повествования и пр. Синтез – конечное взаимопроникновение художественных элементов, в результате которого формируются насыщенные культурными смыслами семиосферы.

Так, русская литература Казахстана – результат литературного процесса как Казахстана, так и России. Связи между государствами активно укрепляются еще в эпоху правления Екатерины II. Интерес к «азиатским соседям» наглядно

представлен и в «восточных» произведениях русских писателей – от Александра Пушкина до Александра Блока. Некоторые исследователи (например, В.В. Бадиков) считают «зачинателями» русской литературы Казахстана таких писателей, как Дм. Фурманов, Вс. Иванов, И. Шухов. Многие художники, родившиеся за пределами Казахстана, стали впоследствии *казахстанскими* писателями, и это отражено не только в выборе авторами «инонациональной» темы, героя или специфической «инокультурной» ситуации. Это, скорее, единение различных культурных пластов внутри художественного текста, зарождение нового мироощущения, которое и становится для автора по-настоящему полным. К писателям, «закладывающим» фундамент русской литературы Казахстана, относится и Ю.О. Домбровский.

В литературоведении бытует мнение, что Домбровский попал в Алма-Ату как политический ссыльный. Даже Г. Адамович, чуткий и внимательный критик, пишет в своей рецензии на «Хранителя древностей»:

«Это замечательный писатель – умный, зоркий, душевно-отзывчивый и живой, правдивый, очень много знающий и с большим жизненным опытом. Кто прочтет его книгу “Хранитель древностей”, у того не может возникнуть сомнений в его даровитости, при том не только литературной, но и общей, не поддающейся узкому, отдельному определению.

Домбровскому *пришлось* (выд.нами) работать в качестве археолога в Алма-Ате. Было это в середине и конце тридцатых годов, незадолго до войны, в самые темные сталинские времена. Читая «Хранителя древностей», невольно, и чуть ли не в сотый раз, задаешь себе все тот же вопрос: как люди могли вынести этот гнет, этот страх за каждое слово, даже случайно произнесенное, эту маниакальную, эпидемическую подозрительность, эти бесчисленные доносы под лицемерным предлогом “партийной бдительности?» [1].

Однако биограф писателя И. Шенфельд приводит следующие возражения: «Вопреки распространенному мнению Ю. Домбровский не был политическим ссыльным, ибо как таковой он не был бы допущен к преподавательской работе. Да и Домбровский, снискавший себе звание певца Алма-Аты, такими влюбленными глазами смотрел на этот город, так прочно связанный со всем его творчеством, столь вдохновенные строки ему посвятил, что трудно предположить эти чувства по отношению к месту ссылки...» [2, с. 3].

Настоящим *местом ссылки* для Домбровского стала Колыма, о которой он пишет Леониду Варпаховскому:

«Я многострадальнее Вас. Вы попали, очевидно, на рудник, а я на «прокаженку» - 23 километр. Очень много нужно, чтоб колымчанин окрестил лагпункт «прокаженкой», - и это многое там было полностью. Вы умирали в проклятом сарае стоя, мы дошли в брезентовых палатках лежа. Только и разницы. Зимой я из палатки выходил только раз - посмотреть сполохи, предвещающие войну, а в августе, когда она наступила, - нас собрали и по инвентарному списку погрузили на «Дзержинский» и повезли на Большую Землю. Там в бухте Находка то на земле, то на нарах, то на больничной койке я провалялся год. Умирал, умирал и не умер <...> Тут в этой степи я опять стал сдыхать и так быстро, что меня зимой 43 года еле-еле успели выбросить (по активровке) за ворота. Доехал до Алма-Аты. Здесь, лежа в больнице, я написал большой роман "Обезьяна приходит за своим черепом"» [1].

Местом ссылки (четвертой по счету) стал для Домбровского и Крайний Север (Иркутская область), отрефлексируемый автором в стихотворении «Везли, везли и привезли». Далекый и «глухой» Север перенимает на себя семантику «КРАЙ СВЕТА», которой прежде – и только частично – был наделен образ Алма-Аты.

Безлюдный Север приравнивается автором к пустыне («Тут ночь тиха, тут степь глуха, / здесь ни людей, ни петуха»). Образы-перцептивы в приведенном отрывке дефункциональны (немота и глухота), что делает мотив невосприимчивости, отчуждения одним из ключевых в стихотворении (ведь *Esse est percipi*).

Вокруг лирического героя ни людей, ни *человеческого* (каким воспринимается и петух как символ одомашненной и упорядоченной природы). Уже в первой строфе пустота становится градуированной («Здесь дни проходят без вестей, / один пустой, другой пустей, / а третий, словно черный пруд, / в котором жабы не живут»). Для героя это место – «яма», в которой нет счета дням («Когда, когда, когда?! О бесконечные года!»), а он и его товарищи по несчастью – «бойцы неведомой войны», на которых наведены ружья всей страны.

Домбровский натуралистичен в своих зарисовках. Микроэпизоды о том, как солдаты обгрызали ногти, сидя в карцере, как чуть не сгорели при пожаре, как теряли товарищью по нелепой случайности или командирскому приказу, физиологичны и конкретно-описательны. Однако второй пласт стихотворения – это уже уровень символического, на котором нет «ссылных», но есть «бойцы неведомой войны».

Совсем иначе у Домбровского сложились отношения с Алма-Атой. Как отмечает А. Турков, «Ему досталась Алма-Ата, в которую он влюбился».

«Город-тюрьма» в жизни и творчестве Домбровского был инверсирован в «Город-дом», более того, стал плодородной почвой для художественного дара писателя. На наш взгляд, Алма-Ата для Домбровского – это место вдохновения, какими были Воклюз для Петрарки, Ферне для Вольтера, Ноан для Жорж Санд.

Здесь Домбровский занимается переводческой деятельностью (произведения С. Муканова, Г. Мусрепова, Г. Мустафина, Б. Сокпакбаева, И. Есенберлина, Е. Исмаилова). Здесь выходит в свет роман «Державин» («Крушение империи»), новелла «Смерть лорда Байрона», книга очерков «Факел». Здесь же ведется работа над романом «Обезьяна приходит за своим черепом» и книгой о Шекспире «Смуглая леди». Знаменитая диада Домбровского («Хранитель древностей» и «Факкультет ненужных вещей»), части которой были

опубликованы в «Новом мире» и в парижском издательстве, интегрируют «алма-атинский период» в жизни автора, который мы называем периодом лишь условно. Это «пунктирная линия» возвращений в город, который из мифологической «клетки» трансформировался в сознании автора в «alma mater».

Литература:

1. Арцишевский А. Жизнь не по лжи: Алма-Ата в биографии Ю. Домбровского // Горизонт. – 1990. – 26 мая.

2. К столетию со дня рождения Ю. Домбровского. Подкаст выпуска радиожурнала «Поверх барьеров» // <http://www.svoboda.org/content/transcript/1731693.html>

Екатерина А.П.¹, Альмира Р.А.²

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ПОПУГАН» КАК ОДНА ИЗ ФОРМ САМОВЫРАЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ¹

¹кандидат филологических наук,
ст. научный сотрудник МарГУ, г. Йошкар-Ола
²студентка IV курса МарГУ, г. Йошкар-Ола

LITERARY CRITICISM GROUP "POPUGAN" AS A FORM OF EXPRESSION OF TODAY'S YOUTH

Plotnikova Ekaterina

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Mari State University, Yoshkar-Ola

Akhmedzyanova Almira

student of IV course, Mari State University, Yoshkar-Ola

АННОТАЦИЯ

В статье на примере литературно-критической группы «ПоПуГан» анализируется одна из новых форм самовыражения современной молодежи – объединения молодежи в группы «по интересам», в том числе, и литературные. Показывается, что определяющими художественными ориентирами и ценностями творчества представителей литературно-критической группы «ПоПуГан» являются базовые (соотносимые с традиционной / фольклорной, элитарной и массовой культурой) ценности и идеалы, так и выработанные в субкультурных сообществах современной российской молодежи.

ABSTRACT

One of the new forms of expression of today's youth – interest groups formation, including, literature, is analyzed in the article on the example of literary criticism Groups "Popugan". The article reveals that the main defining artistic focus and values of the representatives of "Popugan" group creative work (correlated with traditional / folk, elite and mass culture) focus on human values and ideals; as well as values developed in subcultural communities of modern Russian youth.

Ключевые слова: русская литература, литературная критика, молодежная культура.

Keywords: Russian literature, literary criticism, youth culture.

Наряду с социальными сетями и компьютерными играми он-лайн, флеш-мобами и граф-

фити на стенах зданий городов достаточно пространственным становятся объединения моло-

¹ Работа подготовлена в рамках проекта Министерства образования и науки РФ «Вербальная культура современной молодежи: динамика и перспективы развития».

дежи в группы «по интересам», в том числе, и литературные. Таковой является существующая по инициативе трех критиков Елены Погорелой, Валерии Пустовой и Алисы Ганиевой с 2009 года группа ПоПуГан. Нельзя сказать, что данная группа имеет широкую популярность в молодежной среде и является «направляющей» в мире литературной критики, но как инициатива молодых представителей современной литературы, безусловно, заслуживает внимания. Участники этой группы характеризуют направление своей деятельности следующим образом: «Разумеется, это маргинальный путь «освоения» современной литературы, но в какой-то степени вся современная литература, увы, маргинальна...» (Елена Погорелая) [8]. Информацию о каждой своей акции по привлечению людей к современной литературе («А вы любите классику?», «Бомжи, отшельники, бары и рабовладельцы: про то, как группа «ПоПуГан» экспериментировала над молодыми писателями», проект «Интервью с классиком») ПоПуГан достаточно активно и последовательно выкладывает в популярной социальной сети Facebook [14] и видеохостинге «YouTube» [15].

Помимо участия в группе каждый ее представитель добился и личного признания в современной культуре и литературе, став лауреатом, войдя в шорт- и лонг-листы литературных премий (премии им. Лермонтова (2003), «Эврика!» (2006, 2009, 2010, 2012), в том числе премии «Дебют», став или членом редакций престижных изданий, или преподавателем крупнейшего университета и т.д.

Так, выпускница филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (2009) Елена Погорелая на сегодняшний день является редактором отдела современной литературы в журнале «Вопросы литературы», членом редколлегии журнала «Литературная учёба» (с 2008). Елена Погорелая занимается преподавательской деятельностью и в лицее при РГГУ.

На официальных сайтах литературных премий, лауреатом которых Елена Погорелая в свои 26 лет становилась неоднократно [10], она достаточно известна как критик, поэт, эссеист [7]. Благодаря незаурядному мышлению, хорошему слогу (девушка пишет стихи [9], выступая с ними на поэтических вечерах [1]) и тонкому вкусу Елена Погорелая – желанный гость на радио- [6] и телеэфирах (например, авторская передача Игоря Волгина «Игра в бисер»).

Не менее активную жизненную и профессиональную позицию занимает Валерия Пустовая – выпускница факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (2004), кандидат филологических наук (2008). В настоящее время она автор

ряда журналов («Знамя», «Новый мир», «Вопросы литературы» и др.), зав. отделом критики одного из ведущих русских толстых литературных журналов – журнала «Октябрь». Ее критические статьи посвящены проблемам общественного и духовного статуса современного писателя [11], раскрытию концепции реальности в современной прозе и наиболее перспективному её направлению – «новому реализму» [12].

Валерия Пустовая успешна не только как профессиональный литературный критик, но и как ведущая семинаров на факультете журналистики МГУ и мастер-классов по прозе и критике на Форуме молодых писателей России в Липках, участник многочисленных программ («Критическая масса», «Литпроцесс и окрестности» и др.), дискуссий («Культура на пороге тишины» и круглого стола журнала «Октябрь» «Книги России», читательского клуба Е. Вежлян и Е. Пономаревой на «Литературном радио» [6] и др.), частый гость на телеэкране (авторская передача «Игра в бисер» Игоря Волгина).

В феврале 2007 года Валерия Пустовая, убежденная, что молодые люди «сейчас активно стремятся в литературу», приняла участие во встрече молодых писателей с В.В. Путиным, на которой просила руководство страны «обратить внимание на печальную участь толстых журналов, а особенно на проблемы с их распространением» [13].

Алиса Ганиева, дебютная статья которой в 2004 году в журнале «Московский вестник» [3] положила начало ее успешной литературно-критической деятельности («печатается в приложении к «Независимой газете» «НГ-ExLibris», литературных журналах <...> “Октябрь”» [4], «Знамя», «Литературная учеба», «Новый Мир», «Вопросы литературы» и др., еженедельнике «Литературная Россия»), является третьим участником и творческим руководителем группы «ПоПуГан». Активный пользователь социальных сетей и частый гостем на теле- и радиоэфирах Алиса Ганиева неоднократно выступала в средствах массовой информации о современной прозе, новой критике и ситуации в Дагестане («В главной роли» (2010); «Решето» (2011); «Свободный микрофон» (2013); «Литературный ковчег» (2014) [см. 5]). Ганиева – автор колонки «Кавказский человек на rendezvous» в журнале «Медведь» [2].

Алиса Ганиева успешна и признанна (лауреат молодежной номинации премии «Триумф» за прозу (2010), финалист Литературной премии имени Юрия Казакова за лучший рассказ года (2010) [7]) не только как критик (в отличие от Погорелой и Пустовой), но и как прозаик. Ее первое опубликованное художественное произведение – повесть «Салам тебе, Далгат!» (2009), написанная

под псевдонимом «Гулла Хирачев», была удостоена премии «Дебют» в номинации «Крупная проза». Псевдоним был необходим, поскольку он скрывал имя уже известного московского литературного критика. Поэтому, как вспоминает в одном из интервью Алиса Ганиева, истинного автора читатели и судейская комиссия увидели только на церемонии награждения – ранее все члены комитета премии были уверены, что перед ними произведение писателя-мужчины.

Повесть, благосклонно встреченная критиками, не только ярко воссоздает жизнь современного Кавказа, но и мастерски отражает основные тенденции современного литературного процесса: стремление к самоидентификации, утверждению собственной уникальной позиции, осознанию себя как части мира или определённого его слоя и т.д. В этом плане, настоящая повесть предстаёт и неким связующим звеном между миром традиций и миром современности, вероятно, безотносительно к какой-либо определённой национальной культуре.

Неоспоримо, что жизнь современных кавказцев, их взаимоотношения с другими народами, например, русским – богатый материал для создания художественного произведения. В то же время взгляд изнутри, мнение писательницы-аварки, человека «из племени Хаджи-Мурата» превращает «экзотическую» повесть в произведение о современных нравах в целом. Чаще всего писательница обращается к теме семьи и взаимоотношений отцов и детей, по-видимому, выбирая её в качестве основной, узловой, пронизывающей и организующей всё повествование. Однако тема эта встречается во многих классических и современных произведениях, поэтому выбор национальной республики в качестве фактической базы представляется, с одной стороны, оригинальным, с другой – позволяет связать творчество молодой писательницы Алисы Ганиевой с литературным процессом прошлого и современности.

Начиная с повести «Салам тебе, Далгат!» (2009), вызвавшей «горячую дискуссию не только у дагестанской, но и у общероссийской общественности» [5], Алиса Ганиева продолжает развивать в своем творчестве тему современного Кавказа. В частности, в июль-августе 2010 г. в журнале «Сноб» выходит ее рассказ «Шайтаны», а в 2012 году Алиса Ганиева издает новую книгу про Дагестан «Праздничная гора» (лонг-лист премии «Национальный бестселлер»), авторская презентация которой выложена на видеохостинге «youtube» [см. 15]. Тексты ее произведений переведены на девять языков, включая ее родной – аварский.

Нравственные ориентиры разных этносов, разных культур и даже субкультур (в повести

«Салам тебе, Далгат!» субкультуры представлены одной системой – гоп-культурой), как правило, имеют много общего. Именно на эту общность и ориентируется Алиса Ганиева и ее соратники по литературно-критической группе «ПоПуГан» в своем творчестве, подводя читателя и зрителя к выводу о важности уважительного и серьёзного отношения к своему и другим народам, к разным социальным слоям и группам, а также сохранения общечеловеческих духовных основ.

В целом, определяющими художественными ориентирами и ценностями творчества представителей «ПоПуГана» являются базовые (соотносимые с традиционной / фольклорной, элитарной и массовой культурой): ориентация на общечеловеческие ценности и идеалы (вечные мотивы русской и мировой классики в романтической интерпретации); так и выработанные в субкультурных сообществах современной российской молодежи:

- элитаризм как эзотеризм;
- осознание себя как творческой (креативной) личности;
- «урбанизм» в освоении времени и пространства;
- социальность как противопоставление «своих и чужих»;
- создание собственных жанров, сленга и искусственных языков.

Литература:

1. **Волошинский сентябрь:** международный культурный проект [Электронный ресурс]. URL: http://www.voloshin-fest.ru/board/afisha/literary_salon_andrew_korovin/poehiticheskij_vecher_aleny_karimovoj_kazan_i_eleny_pogoreloj_moskva/2-1-0-84 (дата обращения: 26.04.2015).

2. **Ганиева А.** Кавказский человек на rendezvous // Медведь [Электронный ресурс]. URL: http://www.medved-magazine.ru/articles/Alisa_Ganieva_Kavkazskiy_chelovek_na_rendezvous.1735.html (дата обращения: 20.04.2015).

3. **Ганиева А.** Хожение на ушах // Московский вестник. 2004. № 4. С. 204-212.

4. **Ганиева Алиса Аркадьевна** // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <http://https://ru.wikipedia.org/?oldid=45709186> (дата обращения: 05.05.2015).

5. **Ганиева Алиса Аркадьевна:** биография // People: Интересные истории об известных личностях, биографии, юмористические рассказы, фото и видео [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people.su/25999> (дата обращения: 05.05.2015).

6. **Литературное интернет-радио** [Электронный ресурс]. URL: <http://litradio.ru/author/>(дата обращения: 05.05.2015).

7. **Лица премии. Елена Погорелая** // Независимая литературная премия «Дебют» [Электронный ресурс]. URL: http://www.pokolenie-debut.ru/person/elena-pogorelaya_5818 (дата обращения: 20.04.2015).

8. **Открытая группа ПоПуГан** [Электронный ресурс]. URL: <http://vk.com/club40291031> (дата обращения: 20.04.2015).

9. **Погорелая Е.А.** Над бездонным провалом в вечность // Знамя. 2007. №3.; **Погорелая Е.** Поэзия и проза // Звезда. 2010. № 11.

10. **Погорелая Елена** // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 20.04.2015).

11. **Пустовая В.** Новое «я» современной прозы: об очищении писательской личности // Новый мир. 2004. № 8.

12. **Пустовая В.** Пораженцы и преображенцы // Октябрь. 2005. № 5.

13. **Пустовая Валерия Ефимовна:** биография // People: Интересные истории об известных личностях, биографии, юмористические рассказы, фото и видео [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people.su/90583> (дата обращения: 17.05.2015).

14. **РоПуГан** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/RoPuGan> (дата обращения: 20.04.2015).

15. **«YouTube»** – видеохостинг [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/>(дата обращения: 20.04.2015).

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Кокова Алла Владимировна

АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ «БИЗНЕС-ЛЕДИ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ

*преподаватель кафедры русской и зарубежной
филологии ГБОУ ДПО «Северо-Осетинский
Республиканский Институт Повышения
Квалификации Работников Образования», г. Владикавказ*

Диссертация посвящена исследованию фрагмента русской языковой картины мира (ядерные и периферийные лексические вербализаторы концептов «мужчина» и «женщина») в двух плоскостях: в аспекте функционирования гендерных стереотипов, играющих важную роль для концептуализации представлений о мужчине и женщине, и через семантико-прагматические, обусловленные динамикой развития языка трансформации основных номинаций мужчины и женщины.

THE ASSOCIATIVE FIELD "BUSINESS LADY" IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF YOUTH

Kokova Alla

teacher of department Russian and foreign

philology of "North Ossetian

Republican Institute of Increase

Qualifications of Educators",

Vladikavkaz

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию фрагмента русской языковой картины мира в аспекте освоения заимствованного гендерно маркированного концепта «бизнес-леди /деловая женщина», описанию его ассоциативного поля и выявлению когнитивных признаков концепта.

ABSTRACT

The article is devoted to the research of the Russian fragment of the language picture of the world in the aspect of development of the gender marked concept "business lady", to the description of its associative field and identification of cognitive features of the concept.

Ключевые слова: концепт «бизнес-леди»; гендер; ассоциативный эксперимент; ассоциативное поле; когнитивный признак.

Keywords: concept "business lady"; gender; associative experiment; associative field; cognitive feature.

Современные лингвистические исследования, ориентированные на изучение человека в языке и языка в человеке, основаны на антропоцентрическом подходе. Гендерные отношения присутствуют в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывающих отпечаток на речевое поведение личности и на процесс ее языковой социализации. Поэтому описание феминно ориентированного концепта, предпринятое нами, включает описание ассоциатов-стереотипов, реализованных средствами национального языка.

Женственность является важным атрибутом общественного сознания, потому что пол осмысливается в категориях «мужчина» и «женщина», а гендер – в терминах «мужественность» (мужское начало) и «женственность» (женское начало) [4, с. 6].

Диссертационное исследование проведено на стыке нескольких лингвистических дисциплин: когнитивной и гендерной лингвистики, лингвистической семантики, лексикологии и лексикографии, психолингвистики и лингвокультурологии. Именно интегральный подход обеспечивает наиболее адекватный ракурс исследования такого сложного по своей природе объекта, как концептуальное пространство «'мужчина' – 'женщина'». Настоящее изыскание осуществлено в русле интегративного подхода, обеспечивающего наиболее адекватный ракурс исследования, на стыке нескольких лингвистических дисциплин – когнитивной и гендерной лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии.

Материалом послужили данные ассоциативного эксперимента, проведенного с русскоязычными испытуемыми – осетинами и русскими в возрасте от 14 до 25 лет.

В качестве эффективного способа доступа к человеческой когниции, ассоциативный эксперимент позволяет выявить семантическое наполнение ключевого репрезентанта концепта и реконструировать доминантные представления, связанные с ним, описать языковые стереотипы, а также специфичность внутренней языковой структуры и менталитета определенного этнокультурного социума.

А.П. Бабушкин полагает, что концептуальная природа слов объективируется не только посредством обращения к лексикографическим данным, но и на основе ассоциативных экспериментов [1, с. 42], поскольку ассоциации представляют собой элементы внутреннего содержания ментального лексикона.

Как отмечает Н.В.Уфимцева, ассоциативный метод представляет собой "специфичный для данной культуры и языка "ассоциативный профиль" образов сознания, интегрирующий в себе умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос" [5, с. 67].

Метод ассоциативного опроса позволяет, основываясь на принципе частотности выявленных в ходе эксперимента ассоциаций, выделить ядро и периферию рассматриваемого концепта. Содержательную сторону определенного концепта, но и выстроить составляющие концепт признаки по степени их значимости. Респонденты предоставляют свой ассоциативный ряд к обозначенному "слову-стимулу", из которого в последующем образуется ассоциативное поле, являющееся "фрагментом образа мира того или иного этноса, отраженное в сознании "среднего" носителя той или иной культуры, его мотивов, оценок, и, следовательно, его культурных стереотипов" [6, с. 140].

Под лингвокультурным типажом мы понимаем «узнаваемый образ представителя определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [3, с. 8].

Лингвокультурные типы характеризуются узнаваемостью и ассоциативностью, рекуррентностью, хрестоматийностью, узнаваемостью, знаковостью, яркостью, типичностью, прецедентностью [2].

В соответствии с этим перед нами была поставлена задача охарактеризовать ассоциативно-семантические зоны концептуального поля «*бизнес-леди*» в восприятии молодежи и выявить его когнитивные признаки по результатам ассоциативного эксперимента;

Объективация лингвокультурного типажа «*бизнес леди*» в языковом сознании русскоязычных испытуемых 14-25 лет методом свободного ассоциативного эксперимента осуществлялась в

группах испытуемых по 10 человек (всего – 50 человек).

На основе обработки результатов ассоциативного эксперимента было построено ассоциативное поле стимула «*бизнес-леди*». **Бизнес-леди – (538 реакций):** *отдыхает за границей (20); ходит в салон красоты (17); ухоженная (17); высокая (15); нет времени на семью (15); красивая (15); всегда на каблуках (14); деловой стиль в одежде (14); любит заниматься спортом (13); женщина средних лет (13); постоянно с подругами (13); деловая (13); руководитель (12); управляющая компанией (12); умная (11); светская львица (11); замужем и с детьми (11); сильная (11); крутая (11); грамотная (10); блондинка (10); Гульнара Чекоева (10); постоянно на работе (10); ведет здоровый образ жизни (10); оптимистка (10); нет времени на детей (10); начальник (10); одежда от кутюр (9); в очках (9); образованная (9); молодая (9); занимается фитнесом (9); собственный стилист (8); дает деньги родственникам (8); самостоятельная (7); богатая (7); сестра (7);стройная (7); одинокая (7); энергичная (6); модельной внешности (5); мама (5); элегантная (5); любит ходить по ресторанам (5); авторские ювелирные изделия (5); высокомерная (5); ответственная (4); соблюдает субординацию (4); сама себе хозяйка (4); жена Лужкова (4); возле нее много поклонников (4); отзывчивая (4); тетя (3); никогда не унывает (3); хорошие отношения с родственниками (3); помогает родным (3); делает дорогие подарки (3); организованная (3); вежливая (2); любит дорогой парфюм (2); общается со всеми на бегу (2); всегда за рулем (2); звезда гламурных вечеринок (2); очень четкая во всех отношениях (1); знает чего хочет (1); постоянно пьет кофе и шампанское (1); любит читать журналы (1); умеет общаться с мужским полом (1); любит танцевать (1); постоянно где-то учится (1); независимая (1); дипломатичная (1); добрая (1); носит бриллианты и золото (1); уверенная в себе (1); собранная (1); хладнокровная (1).*

Первым этапом моделирования концепта является описание его макроструктурной организации. Выявленные в результате когнитивной интерпретации признаки были отнесены к трем макрокомпонентам (образно-перцептивный компонент, информационно-понятийное содержание и интерпретационное поле).

Образно-перцептивный компонент (5 признаков) в макроструктуре лингвокультурного типажа «*бизнес-леди*» представлен когнитивными признаками «внешность» (112), «времяпрепровождение» (79), «занятия» (40), «физическое состояние» (38) и «возраст» (22).

Информационно-понятийный компонент (1 признак) формируют ассоциаты-номинаторы, описывающих *«бизнес-леди»* на основе признака «степень родства» (15).

В интерпретационном поле были выделены оценочная, энциклопедическая, регулятивная и социокультурная зоны.

Оценочную зону (5 признаков) лингвокультурного типажа *«бизнес-леди»* формируют когнитивные признаки, выражающие эстетическую (37), оценку физического состояния (36), оценку социального положения (31), оценку интеллектуальных способностей (30) и морально-нравственную оценку (26).

Энциклопедическая зона (2 признака) характеризуется когнитивными признаками «черты характера» (48) и «финансовое положение» (7).

В регулятивной зоне (2 признака) были выделены следующие признаки: «отношение к бизнес-леди со стороны общества» (10) и «отношение со стороны родных» (24).

Социокультурную зону (2 признака) формируют когнитивные признаки «семейное положение» (10) и «внутрисемейные отношения» (16) характеризующие важность семьи для бизнес-леди.

Категориальная структура лингвокультурного типажа «бизнес-леди».

Анализ и обобщение полученных реакций позволил выявить в структуре лингвокультурного типажа *«бизнес-леди»* следующие дифференциальные признаки: *внешность (87), черты характера (57), внутрисемейные отношения (20), времяпрепровождение (55), социальный статус (43), физическое состояние (36), интеллектуальные способности (34), социальное положение (20), семейное положение (17), личностный смысл – прецедентные имена (14), возрастной диапазон (12), состояние здоровья (8).*

Результаты ассоциативного эксперимента позволяют сделать вывод, что в ментальности социальной группы молодежи 14-25 лет, сформировавшейся в постсоветский период, современная деловая женщина как представитель бизнеса наделяется, в первую очередь, фемининными чертами, когда ее имидж базируется на традиционно женском облике и дополняется универсальным набором признаков, формирующих бизнес-сферу. Таким образом, использование данных ассоциативной методики дополняет концептуальное поле *«деловая женщина»*, привнося новые содержание в картину мира этноса.

Список литературы:

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Дисс. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997. 330 с.
2. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX в.: монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. - 307 с.
3. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия/Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр/Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.5-25.
4. Рябов О.В. Женщина и женственность в философии серебряного века. Иваново, Ивановский гос. ун-т, 1997. 159 с.
5. Уфимцева Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. / Н.В. Уфимцева. Воронеж, 2001. — С. 65—71.
6. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М.: Ин-т. Языкознания РАН, 1998. С. 135-170.

Лось Александра Львовна,

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАЧЕСТВА ВОСПРИЯТИЯ И ВИЗУАЛЬНОЙ ВЫДЕЛИМОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

*кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский университет «МИЭТ», г. Москва*

REPRESENTATION OF PERCEPTION QUALITY AND VISUAL STANDING OUT IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Los Alexandra

*Candidate of Science, assistant professor of National Research University «MIET»,
Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности концептуализации ситуаций зрительного восприятия, представленных словами *ясный* и *clear* в русском и английском языках. Обосновывается наличие разных когнитивных оснований, согласно которым носителем языка осмысляются свойства, описываемые данными словами. Анализируются отличительные семантико-когнитивные признаки лексемы *ясный* участвующие в формировании переносных значений.

Ключевые слова: концептуализация; зрительное восприятие; когнитивные основания; семантико-когнитивный признак; качество восприятия; визуальная выделимость.

ABSTRACT

The article covers peculiarities of conceptualizing situations of visual perception represented by the words *ясный* and *clear* in Russian and English languages. The paper proves that there are different cognitive motives according to which the language speaker perceives qualities described by these words. Specific semantic-cognitive characteristics of the *ясный* lexeme taking part in formation of its figurative meanings, in contrast to the *clear* lexeme, are analyzed.

Key words: conceptualization; visual perception; cognitive motives; semantic-cognitive sign; perception quality; visual standing out.

Главную роль в восприятии внешнего мира, в практической (и теоретической) деятельности человека играет зрение, зрительное восприятие. Оно важно до такой степени, что «естественный язык, естественный интеллект и человеческий менталитет можно назвать «ориентированными на наглядность», «visually oriented», «перцептивно мотивированными»» [6, 224].

Важно, что знания о мире, полученные зрительным (и вообще перцептивным) путем, принципиально отличаются от знаний, полученных в процессе общения, прежде всего тем, что не нуждаются в явной вербализации [1; 6].

Вопрос о характере зрительного восприятия и его концептуализации средствами естественного языка, вместе с тем, не представляется полностью изученным. Ясно только, что благодаря этим знаниям человек обладает ориентацией, координацией, свободно движется, действует, соизмеряет свои усилия с обстановкой и т.д. Как известно, проблема моделирования зрительного восприятия в системах искусственного интеллекта обозначена как «распознавание образов», а ее решение столкнулось с большими трудностями, вызванными тем, что самая простая для человека операция – увидеть и тут же распознать предъявляемый предмет, часто даже не осознавая этого, – оказывается предельно сложной при ее экспликации и формализации. Таким образом, процесс зрительного восприятия чрезвычайно сложен и многогранен, и проблема выражения в языке знаний, основанных на зрительном восприятии объектов, представляет большой интерес для когнитивных исследований. В связи с этим для лучшего понимания организации видимого мира представляется важным изучение характера концептуализации зрительных впечатлений (и самого механизма зрительного восприятия) и исследование соответствующих языковых единиц.

В целом в основе концептуализации зрительного восприятия в языке лежат общие когнитивные установки, которые выявлены как в русском, так и в английском языках. К таким общим когнитивным основаниям относятся:

– качество восприятия объекта Наблюдателем, обусловленное, во-первых, отсутствием препятствия в восприятии объекта, во-вторых, качеством среды зрительного восприятия и, в-третьих, визуальной выделимостью воспринимаемого объекта; эту сторону зрительного восприятия репрезентируют слова *ясный* и *clear*;

– интенсивность светового / цветового воздействия объекта на зрительные органы Наблюдателя, описываемая словами *яркий* и *bright*;

– световая наполненность объекта и его потенциальная способность иметь дополнительную цветовую характеристику; данный аспект зрительного восприятия представлен единицами *светлый*, *light* и *bright*.

Остановимся подробнее на когнитивном признаке «качество восприятия объекта Наблюдателем», представленного русским словом *ясный* и английским *clear*. В основе процесса концептуализации зрительных впечатлений в ситуациях, описываемых словами *ясный* и *clear*, значимы следующие представления:

– хорошее качество восприятия объекта (релевантно для слов *ясный* и *clear*);

– визуальная выделимость объекта (описывается лексемами *ясный* и *clear*);

– объект представлен как среда для зрительного восприятия (репрезентируется с помощью прилагательных *ясный* и *clear*);

– объект представлен как источник излучения (описывается только словом *ясный*);

– объект представлен как поверхность, не покрытая объектами, которые могут мешать ее качественному восприятию или передвижению по ней (описывается только словом *clear*).

Важной особенностью концептуализации зрительных впечатлений, описываемых словосочетанием *ясный X*, в отличие от *clear X*, является то, что *X* может быть представлен как источник излучения. При этом акцентируется высокое качество восприятия и визуальная выделяемость *X*: *Тогда словно облако прошло по ясному солнцу*. (Ср. ситуацию, описываемую словом *яркий*: *Я открыл глаза, и меня сразу ослепило яркое солнце, заливавшее мою комнату*, где акцентируется интенсивность светового воздействия источника излучения на зрительные рецепторы Наблюдателя, и ситуацию, представленную словом *светлый*: *Каждое утро восходит такое же светлое солнце* [5], где значимой является способность естественного источника излучения давать свет).

В ситуациях зрительного восприятия, представленных в предложениях *Светило ясное солнышко / Вдруг на какой-то миг облака прерывались, и тогда было видно зимнее небо, виднелись ясные звезды* [4] / *Люблю стоять под широким небом и глядеть всю ночь, как над тобой стоит тихий, ясный месяц* [3] Наблюдатель визуально оценивает, каков объект (*солнце, звезды, месяц*) и то, какое впечатление на него производят *солнце, звезды, месяц*; насколько они визуально выделяемы, различимы. С другой стороны, он оценивает качество среды восприятия: в данном случае имплицитно задана среда, благоприятная для успешного восприятия, – небо практически без облаков, прозрачный чистый воздух. Прозрачная среда обеспечивает качественное восприятие *солнца, звезд, месяца*.

Вместе с тем, в качестве объекта (*X*), помимо источника излучения световой энергии, может выступать источник излучения психической энергии: *ясная улыбка / ясный взор / ясное лицо / ясные глаза*. Возможность семантического переноса качества / признака, который несет в себе слово *ясный* при описании источников естественного излучения, на свойство источника излучения психической энергии, исходящей от *улыбки, взора, лица и глаз*, основано на хорошо известном и изученном свойстве языковых единиц, обозначающих «физические» процессы, использоваться для описания психических [2]. Устанавливаемое таким образом сходство энергии света и психической энергии обуславливается тесной связью зрительного восприятия, с одной стороны, и духовного мира человека, с другой. В ситуации зрительного восприятия, представленной словосочетанием *ясные глаза, глаза* представляют собой источник психической энергии, «излучают» свет, который создает «прозрачную» психо-эмоциональную среду, производят приятное впечатление на Наблюдателя и вызывают у него определенные

положительные эмоции. При этом характеристика *ясные* применительно к *глазам* приносит положительный оценочный компонент. Ср., напротив: *яркие глаза (У нее были неестественно яркие глаза)*, где слово *яркие* не несет положительной коннотации. В английском языке при описании *глаз, улыбки, лица* акцент делается на интенсивность воздействия (эмоционально-психического, акустического) на Наблюдателя: *bright smile, bright face, bright eyes, bright voice* (*яркая / ослепительная улыбка, яркое лицо, яркие глаза, ?яркий / звонкий голос*). В сходной ситуации зрительного восприятия, реализуемой словом *яркий* для описания *улыбки, лица, глаз* (*яркая улыбка, яркое лицо, яркие глаза*), акцентируется выделяемость *улыбки, лица, глаз* по силе цветового воздействия на Наблюдателя. В этом случае важен контраст *улыбки, лица, глаз*, из-за которого они выделяются среди других *улыбок, лиц, глаз*. Таким образом, в языке могут получать выражение разные когнитивные мотивы для переноса качества / признака и формирования иного значения на основе этого переноса.

Помимо переноса свойства источника излучения быть качественно воспринимаемым и производить приятное впечатление на Наблюдателя, свойство источника излучения быть визуально выделяемым и качественно воспринимаемым может переноситься на подобное свойство *звука, голоса, звона* (как «выделимых» акустических источников): *ясный звук / ясный голос / ясный звон*; или на сходное свойство других источников: *ясный вопрос, ясная мысль, ясное доказательство, ясное понятие* (которые характеризуются как логически «выделимые» и хорошо воспринимаемые).

Рассмотрим интерпретацию распространенных примеров со словом *ясный*. Например, в ситуации зрительного восприятия, представленной высказываниями *ясное солнце / луна / звезды / месяц*, объекты *солнце / луна / звезды / месяц* оцениваются с точки зрения качества их восприятия и визуальной выделяемости. Когда Наблюдатель присваивает *солнцу / луне / звездам / месяцу* визуальную оценку *ясный*, он фиксирует два фактора: во-первых, высокое качество восприятия данных источников излучения, обусловленное прозрачной средой зрительного восприятия (*чистым / ясным небом, чистым воздухом*), и, во-вторых, четкую границу между *солнцем / луной / звездами / месяцем* и *небом*, иными словами, их визуальную выделяемость. Неотмеченность высказываний **ясная лампа / фонарь / светильник / люстра* можно объяснить тем, что *лампа* и другие источники искусственного света специально созданы человеком для того, чтобы заменять естественный источник излучения. Помимо основной функции

давать свет, *лампа / фонарь / светильник / люстра* характеризуются еще и определенной формой, размером, дизайном и являются предметом интерьера. Ср.: *красивая лампа / люстра / светильник / фонарь*. Таким образом, визуальная оценка **ясная лампа / фонарь / светильник / люстра* может относиться и к основной функции (освещение), и к характеристике этих приборов как предметов интерьера. В силу этих особенностей, для воспринимающего субъекта важным является именно интенсивность излучения *лампы / фонаря / светильника / люстры*, то, насколько хорошо прибор освещает. Качество восприятия прибора оказывается неважным. Тем более не имеет смысла говорить о качестве восприятия выключенных приборов. При этом когда говорят о *лампе / фонаре / светильнике / люстре*, имеют в виду не только ту часть приборов, которая дает свет, но и также дополнительную часть (у *лампы и фонаря* есть основание, *светильник* и *люстра* имеют каркас определенной формы и дизайна, в котором есть места, где вставляются лампочки и т.д.). Естественные источники излучения (*солнце, луна, звезды*) долгое время осмыслились как существующие (независимо от нашего сознания) для того, чтобы давать свет. С *солнцем, луной* связано эмоциональное состояние человека (хорошее / плохое настроение и т. п.). Ср. неестественность фраз: *?красивое солнце / луна / звезды*. При непосредственном зрительном восприятии так обычно не говорят. Можно сказать *Какое красивое солнце / луну / звезды ты нарисовала!* (речь в данном случае идет о рисунке *солнца / луны / звезд* на бумаге), или *Какое красивое солнце сегодня!*, где акцент делается на визуальном воспринимаемом эстетическом воздействии естественного источника излучения на Наблюдателя.

В ситуации зрительного восприятия, описываемой высказыванием *ясный огонь*, объект *огонь* представлен как источник света. С давних времен *огонь* мыслится как естественный источник света и тепла, с которым связано эмоциональное состояние человека (как и в случае с *солнцем, луной*). Качество восприятия *огня* и других объектов может быть также хорошим при условии, что окружающая естественная среда также прозрачная. Кроме того, конфигурация *огня* такова, что его «очертания» четкие и визуальными выделяемые. Таким образом, *ясный огонь* – это качественно воспринимаемый, визуальными выделяемый *огонь*. Ситуация зрительного восприятия, описываемая словосочетанием **ясная свеча*, сходна с той, которая представлена высказыванием **ясная лампа*. Так же, как и в случае с *лампой, свеча* помимо того, что дает свет, может оцениваться с точки зрения ее цветовых характеристик, размера и т.п. В предложениях *Он долго смотрел на ясное пламя*

свечи / Он мог часами смотреть на ясное пламя свечи акцентируется хорошее качество восприятия *пламени*, очерченность его контуров, и вносится информация о том, что *пламя свечи* производит приятное впечатление на Наблюдателя. В ситуации зрительного восприятия, представленной высказыванием *ясные огоньки*, объект *огоньки* представлен как неспособный создавать среду для зрительного восприятия (данный случай в некотором смысле подобен примеру **ясная лампа*). С другой стороны, *огоньки* могут быть осмыслены не как источники искусственного излучения, а как хорошо воспринимаемые, четко видимые вдалеке, визуальными выделяемые светящиеся объекты, и релевантной при выборе слова *ясный* для описания *огоньков* является их выделяемость и способность производить благоприятное впечатление на Наблюдателя. Ср.: *Вдали виднелись ясные огоньки / Вдали сверкали яркие огоньки*. В первом предложении акцент делается на хорошей видимости объекта (*огоньков*) – они отчетливо видны и визуальными выделяемы на темном фоне, и Наблюдатель четко фиксирует наличие некоторой границы между *огоньками* и окружающей средой. Во втором предложении релевантной оказывается интенсивность излучения *огоньков*, они рассматриваются как интенсивно излучающие (и в связи с этим оказывающие сильное воздействие на Наблюдателя) источники излучения. Неотмеченность высказываний **ясное освещение / *ясная иллюминация* объясняется тем, что *освещение / иллюминация* могут оцениваться Наблюдателем только с точки зрения интенсивности излучения и сами по себе не могут быть визуальными выделяемыми. Качество восприятия в данной ситуации оказывается нерелевантным. Ситуация сходна с той, которая описана в примерах **ясная лампа / фонарь / люстра*. Ср. также отмеченное: *яркая иллюминация*, где акцент делается на интенсивности светового / цветового воздействия *иллюминации* на зрительные рецепторы Наблюдателя. Подобным образом можно объяснить неотмеченность высказываний **ясная молния* и **ясная вспышка молнии*. *Молния* выступает, прежде всего, как источник кратковременного интенсивного светового излучения: *За окном – ночь. Вдруг сверкнула яркая молния, и на несколько секунд стало светло как днем / Внезапно я проснулся. Яркие вспышки молнии слепили меня*. В данных примерах *молния / вспышки молнии* оцениваются Наблюдателем с точки зрения интенсивности светового воздействия на зрительные рецепторы. С другой стороны, если видоизменить контекст таким образом, чтобы акцент сместился на хорошую видимость *вспышек молнии*, их визуальную выделяемость, как, например, в высказывании *За-*

тем где-то вдали они увидели поочередно две ясные вспышки (молнии). Гроза уходила в сторону гор, высказывания становятся правильными.

Выявленный в русском языке комплексный когнитивный признак «качество восприятия и визуальная выделяемость», который реализуется в высказываниях *ясное солнце / луна / месяц / звезды* и является основой образования переносных значений, связанных с духовной сферой человека, представленных высказываниями *ясная улыбка / ясный взор / ясное лицо / ясные глаза / ясный человек* не нашел выражения в английском языке: **clear sun / moon / stars*. Выявить корреляцию смысла, выраженного русским словом *ясный* для описания источника излучения и духовной сферы человека в английском языке составляет перспективу дальнейшего исследования.

Таким образом, существенную роль в осмыслении ситуации зрительного восприятия наряду с универсальным (межъязыковым, межкультурным) уровнем, который может быть передан различными средствами данного языка, а также разных языков, играет собственно языко-

вой уровень языковой концептуализации, который связан с системой средств данного языка и отражает культурно-этнические особенности.

Литература:

1. **Апресян Ю.Д.** Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995.
2. **Арутюнова Н.Д.** Язык и мир человека. – М: Языки русской культуры, 1999.
3. **Довлатов С.** Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1 / Сост. А. Ю. Арьев. – СПб.: Азбука, 1999.
4. **Ефремов И.А.** Таис Афинская: Исторический роман. – Алма-Ата: Жазуши, 1980.
5. **Загоскин М.Н.** Юрий Милославский, или русские в 1612 году: Исторический роман. М.: Московский рабочий, 1982.
6. **Рябцева Н.К.** Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка. Труды Международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Под ред. А.С.Нариньяни. Т.1. Теоретические проблемы. Протвино, 2000. С. 223-237.

Elena Rozova

THE PURPOSE OF USING AUTHENTIC MATERIALS IN THE SECOND LANGUAGE CLASSROOM

English teacher

Pridnestrovian State University, Tiraspol

К ВОПРОСУ О РОЛИ АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ НА УРОКЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (ESL)

Елена Розова

преподаватель английского языка

Приднестровский государственный университет, г. Тирасполь

ABSTRACT

This study mainly concentrates on the role of authentic material use in the second language classroom. Advantages and disadvantages of using authentic material also have been discussed in this article. Another point of this study will help us to analyze why and how authentic materials could be more effective to develop the language skills of second language learners. Previous experience and thoughts of some authors and academics support our research. Differences between published and authentic materials will also be the points of our discussion in this study.

АННОТАЦИЯ

Использование аутентичных материалов повышает интерес к изучению иностранного языка, помогает активизировать все виды речевой деятельности, приобщает к культуре страны изучаемого языка. Кроме того, использование аутентичных материалов на уроках английского языка как иностранного способствует повышению мотивации к его изучению и является эффективным средством формирования иноязычной культурологической компетенции. При отборе этих материалов, а также в процессе их организации, следует руководствоваться общедидактическими и методическими принципами обучения иностранному языку.

Key words: Authentic materials, second language, communicative approach

Ключевые слова: аутентичный материал, английский как второй язык

Many authors assert that authentic materials have a positive effect on learner motivation in the foreign language classroom and how beneficial those materials can be. First of all, William Guariento and John Morley claim that the purpose of using authentic materials is to prepare students for their social lives. In other words, the authentic materials are used in order to close the language gap between classroom knowledge and real life. (Guariento, W. & Morley, J., 2001, p: 347)

Maria Spelleri (2002) supports this analysis and thinks that the language used in text books is only valid in a classroom environment whereas the requirement of real life English is different and this difference has not yet been closed by the use of text books because, as we all know, learners have to deal with the language of brochures, office work, application forms and so on (p: 16). The author also thinks that the role of the teacher is crucial; it is the teacher's responsibility to filter materials through selection of the learning objectives. It is the teacher's responsibility to identify the items and their adaptability as well. (p: 17) Spelleri looks for two criteria while selecting authentic materials: the materials need to give new information to help the student, and second criterion is how those materials are adaptable so they should not contain complicated words. The materials need to have either some pictures or clear separation of text like bullets or numbers (p: 17).

There is one more question that needs to be answered: how is the role of authentic materials in the classroom important? Jeannette McGregor is a lecturer in the field of English Language Teaching Department at Macquarie University, Sydney, Australia. McGregor (2007) looks at the topic from another aspect. She thinks that text types make sense if they exist in a cultural context because they are the cultural forms of beliefs and social practices. When we learn a language, the real assumption in that language is culture. For example, English speaking people might believe that bargaining is very difficult in a country where bargaining is quite acceptable and a part of the social life (p: 7). Hence, the class activities and materials need to be organized by the teacher according to students' needs and their cultural variety. Little and Singleton (1988) of Trinity College Dublin accept that there has been a rapid increase in the use of authenticity in second language learning. Both scholars suggest that the rise of authentic texts is associated with the development of communicative approaches to language teaching (p: 1). The same authors continue their argument by saying that the chief concern is to provide input materials from literary culture. It is also thought by the same authors that learners find such materials more interesting than course books prepared by the teachers (p: 1). There are broad varieties of materials such as a computer, video, DVD

player and even different materials from all around the world in public libraries for writing, speaking, listening and reading tasks. As Sacha Anthony Berardo (September, 2006) thinks the sources of authentic materials are infinite. Print and visual publications like magazines, newspapers, TV programs, movies and especially the Internet are the useful for instructors (p: 62).

For many learners those materials will be model for a specific topic in their future education. Materials need to be flexible for students in order to develop new skills and strategies as well. Those strategies need to be applicable in other contexts (Jane Crawford (1995 p: 30). Students will attempt to integrate their knowledge from the language they have learnt. Teachers need to take extra care about students' background and learning abilities in class activities therefore they adapt materials to the context in which learning takes place. There must be an open interaction between students and teachers to understand the cultural values of both teachers and students (p: 31).

Authentic materials are mostly accepted as beneficial in language learning. Ruth E. Larimer and Leigh Schleicher (1999) focus on the advantages of authentic materials as below: "Learning is enhanced by the use of texts of particular interest to a class. There will be an increase in variety and spontaneity in classes that introduce authentic materials. Exposure to a variety of vocabulary and structures will occur. Students will capitalize on their prior cultural and schematic knowledge to contrast target situations and genres with those of their own culture." (Larimer, R.E & Schleicher, L, 1999, introduction section)

Elizabeth Hanson-Smith has written an article about the importance of new technology use and describes the computer use in English teaching as part of authentic materials. Hanson-Smith (2001) believes that when text is read on the computer, learners' motivation and learning skills improve. Another claim is that the computers can determine whether students' answers are right or wrong after each test. It is believed that computers can provide lectures and tutorials a lot better than teachers in four major areas including phonology and phonetics (p: 109, 110) Susan Cornish (1994), a curriculum officer, supports Hanson-Smith's opinion. She thinks there are great advantages of video use in class activities. She implies videos can model spoken language as well as developing listening skills without making demand on reading skills. Students can hear crucial information, pauses and even understand emotions by watching (p: 25)

Larimer and Schleicher (1999) experienced that students need exposure to samples of everyday authentic culture presented on television. Therefore, both authors believe that television commercials are

excellent sources because they are short, focusing on music, family relationships and colloquial English (p: 21). The authors' second observation is about newspapers and magazines. As they explain, these materials are ideal sources for students to discuss current issues while broadening their vocabulary limits (p: 52). Other documents such as maps, mail and brochures can be used as authentic materials in the classroom. These materials let students understand the language of materials written for tourists (p: 102). In addition, not only the use of authentic materials is important but work sheets, overhead projectors and transparencies at undergraduate level are vital for those who take courses in a foreign language. This third point is briefly about getting information from student questions in academic lectures. Here, the authors advise that international students misunderstand native speakers of English when information is exchanged therefore both authors believe international students need to be able to questioning sequences for salient information (p: 148). These problems do not only exist between students but also between lecturers and students. Teachers' major concerns are to identify how much their students understand the given data. Here, as described by the editors, students misunderstand what a teacher looks for in the exchange of information so the main aim should be to focus on vital information in questioning sequences. Work sheets, overhead projector and transparencies help students comprehending a subject better (p: 158, 166).

On the other hand, there are some significant disadvantages of using authentic materials in comparison with textbooks. Guariento and Morley (2001) remind us that the use of authentic materials makes especially lower level students confused and demotivated by the complexity of language and performance conditions unless the simplest authentic texts are carefully selected by the teachers. Hence, the selected material should maintain sense of learner's response and it should engage the learner's interest. As mentioned by both authors, it appears to be hard while simplification of any text is justified (p: 348, 351). It is also believed that while some texts lend themselves to competence training, all textual inputs need to be successfully done by teachers because it may reduce opportunities for students' comprehensible input and cause frustration between lower level learners (p: 349). So, the preparation stage often demand time consumption for instructors (Martinez, A.).

Ruddock (2000) gives an example about when to use authentic texts in teaching the grammatical structure of Japanese. The author says authentic texts are only used when students reach intermediate level in the teaching of grammar. Because it is considered that authentic texts are difficult for beginners (p: 1, 2).

In the light of these findings, we recommend that teachers of EFL try appropriate authentic materials in their classroom, as they may increase their learners' levels of on-task behaviour, concentration, and involvement in the target activity more than artificial materials. They may, however, reduce the levels of learner interest engendered by the materials used. It is important that materials selected for the classroom motivate learners, so the most important criterion for the selection of materials should be their effect on motivation. It is the teacher's responsibility to choose the materials and presentation of authentic texts so that they could grab the student's attention in the second language classroom.

Bibliography:

Berardo, S. A. (September, 2006), the Use of Authentic Materials in the Teaching of Reading, the Reading Matrix, volume 6, number 2, p: 62 from the website:

www.readingmatrix.com/articles/berardo/articles.pdf

Cornish, S. (1994), Video in the TESOL Classroom, in Erica Garvey's reading text for language teaching methodologies, NCELTR, Macquarie University, Sydney-Australia, p: 25

Crawford, J. (1995), the Role of Materials in the Language Classroom: Finding the balance, in the Erica Garvey's reading text for Language Teaching Methodologies,

NCELTR, p: 28-31

Garvey, E. (2007), Lecture 3: Materials and Resources, Language Teaching Methodologies, NCELTR, Macquarie University-Sydney, Australia, p: 2

Guariento, W. and Morley, J. (2001), Text and Text Authenticity in the EFL classroom, *ELT Journal*; Oxford University Press in association with the British Council, volume 55/4, p: 347, 348, 349 and 351

Hanson-Smith, E. (2001), Computer Assisted Language Learning in the text of: The Cambridge Guide to Teaching English to Speakers of Other Languages, by Carter, R and Nunan D, p: 109, 110

Larimer, R. E. and Schleicher, L. (1999), New Ways in Using Authentic Materials in the Classroom, TESOL Inc., p: introduction section, 21, 52, 102, 148, 158, 166

Linder, D. (December 1999/January 2000), Authentic Texts in ESL/EFL, *TESOL Matters*, 9:6, p: 17, from the website: read-writeact.org/files/2013/02/authentic_texts_in_esl_epl.pdf

Little, D. G and Singleton, D. M. (1988), Authentic Materials and the Role of Fixed Support in Language Teaching: Towards a Manual for Language Learners, Trinity

College Dublin, p: 1

McGregor, J. (2007), Reading 1: Different Views of Language, Linguistics and Language Teaching, NCELTR, Macquarie University, Sydney-Australia, p: 3, 4

Spelleri, M. (2002), From Lesson to Life: Authentic Materials Bridge the Gap, ESL Magazine, volume 5/4, p: 16 and 17

Сабиралиева Замира Маметовна

РОЛЬ МЕЖДОМЕТИЙ В СОЗДАНИИ АНЕКДОТА

Старший преподаватель кафедры методики преподавания русского языка и литературы факультета русской филологии Ошского государственного университета, г.Ош

THE ROLE OF INTERJECTIONS IN CREATING OF HUMOUR

*Sabiraliyeva Zamira Mametovna
Senior Teacher of Russian Language
and Literature Teaching Methodology
Chair at the Department of Russian
Philology in Osh State University,
city Osh*

Данная статья посвящена характеристике междометий, являющихся основой грамматического анекдота в русском и киргизском языках.

The present article describes the characteristics of interjection, which forms the basis of grammatical anecdotes in Russian and Kyrgyz languages.

*Ключевые слова: междометие, эмоциональные сигналы, эмоции, аспект, грамматика, киргиз.
Key words: interjections, emotional signals, emotions, aspect, grammar, kyrgyz.*

Междометие традиционно считается особой категорией в системе частей речи, которая не может быть причислена ни к знаменательным (в силу отсутствия лексического значения), ни к служебным (в силу невыраженности грамматического значения) частям речи. Отсутствие номинативной функции у междометий побуждало рассматривать их как первичные слова человеческого языка (ср. так называемую междометную теорию происхождения языка).

Междометия как эмоциональные сигналы противопоставлялись словам как знакам мысли. Но особое положение междометий не исключает его значимости для системы языка и процессов порождения высказывания и текста. Еще М.В. Ломоносов подчеркивал преимущество междометий по сравнению с другими словами, состоящее в том, что они «кратко изъявляют движение духа». К примеру, междометие «Ба!» заменяет целое сложное предложение: «Я удивлен, что вижу тебя здесь» [1. С.130-131]. Сравним анекдот, где обыгрывается именно это свойство междометий:

В одной еврейской семье умер ее глава. Его родственники, желая сэкономить на почтовых расходах, послали в Израиль короткую телеграмму: «Изя всё». Через несколько часов они получили телеграмму соболезнования: «Ой». [2.С.367].

Междометия (сырдык сөздөр) в киргизском языке многообразны и передают различные оттенки эмоций. Они делятся на 3 группы:

1. Чувственные междометия (сезимдик сырдык сөздөр) – они передают различные внутренние чувства к окружающей среде и жизненным условиям. Например, *Пай, пай, пай, бах* или *бахх* передают радость, поддержку, благодарность, *кокуй, атий, капырай* – страх, испуг, ненависть, *эх, ой* – сожаление, горе, гнев, *и-и, ура, охх* – поддержку, похвалу, одобрение, *ой, ай-ай-ай* – удивление, сострадание, *ши, о кокуй десе* – переживание, неприязнь.

Ресторандан теңселип кызуу чыккан аял таксистке барып:

– Шеф, бошсуңбу? – деп сурайт жылымайып.

– Оба, бошмун.

– Пай, пай, пай, кандай жакшы, жүр бийлейбиз, – деп тарткылаптыр.

[3.С.77]

- Эй, эй, сага эмне болду, өңүң кубарып кетти го?

- Ээ, кокуй, гезитте пивонун 79% суу болот деп жазыптыр!

[3.С.52]

2. Выражающие волю человека ко всему происходящему называются междометиями воли

(эрктик сырдык сөздөр), они часто используются в киргизском юморе. Например, *алдей, тсс, тек, чүши, ай, бөө, бали*, и т.д.

Базарда сатуучу:

- *Эй, ондатр алгыла! Ондатр алгыла!*

Сатып алуучу:

- *Эй, Кудайды карасаң боло, бул ондатр эмей эле ит го?*

- *Тсс, иттин аты Ондатрда...*

* * *

- *Баке, карасаң сенин үйүңө терезе аркылуу ууру кирип бара жатат!*

- *Ай, кирсе кире берсин, аялым мен деп ойлоп тумшукка бергенде, байкуш эмнеге киргенин да унутуп калат.*

[3.С.69]

3. Жизненные междометия (турмуштук сырдык сөздөр) – используются в бытовых отношениях. [4. С.232] Например: *Ассоломалейкум, алейкумассалам, ыракмат, кош, баракелде и т.д.*

- *Кош, балам, догдур эмне дейт?*

- *Ата, догдур сабизден баштап жашылчаларды көп жесең көзүң жакшы көрөт деп айтты.*

- *Ошол туура болушу мүмкүн, балам, ушул жашка келип, көз айнек тагынган коенду көрө элекмин, - дептир атасы.* [3.С.65]

По определению А.А. Шахматова [5. С.100], «междометие означает, что мы испытываем известное ощущение или выражаем свою волю, но слово является при этом только сигналом для возникновения соответствующего представления, а не знаком его». Междометия поэтому могут быть охарактеризованы как «неполные слова».

Однако, помимо традиционного взгляда на междометия как на интонационные слова, лишённые лексического значения («деноминативные» и эмоциональные), есть и другие точки зрения, согласно которым «междометию приписывается понятийность (Ф. Травничек, Г.В. Колшанский)», а «выражаемые междометиями эмоциональные значения должны рассматриваться и аспекте многозначности обычного слова (Т.В. Косов)» [6. С.4]. То есть, то обстоятельство, что междометие «эх!» «выражает и укор, и сожаление, и горе, и удивление оттенком ошеломленности, и восхищение, и страстное желание-тоску» [7. С. 590], может быть рассмотрено в одном ряду с традиционной лексической многозначностью знаменательного слова.

Инвариантным значением междометий с относительно устойчивым содержанием в речи является представление о звуковом проявлении эмоций. «Междометная категория – при всем

структурно-семантическом разнообразии входящих в нее единиц – характеризуется единством особого способа обобщения действительности в слове, которое мы назвали экспрессивным изображением», – пишет Л.И. Карпов [6. С. 24].

Многие грамматисты (Шахматов А.Д., 1941, Виноградов В.В., 1972 и др.) подчеркивали тесную связь между междометиями и «воззваниями», звательными формами типа «*Господи! Боже мой!*». В Русской грамматике-80 эти единицы отнесены к междометиям с семантически диффузным функциям, которые передают состояние возбуждения, чем и предопределяются возможности их использования для выражения самых разнородных, нередко прямо исключаящих друг друга чувств и ощущений. «С опорой на содержание и общую эмоциональную окрашенность речи и при поддержке других средств – как языковых (интонация), так и внеязыковых (жест, мимика) – одно и то же междометие может выражать одобрение и порицание, испуг и радость, восхищение и презрение, страх и решимость» [8.С. 733]. Отметим, однако, что если бы за междометиями типа *господи, боже мой* не закрепилось бы в узусе выражение отрицательных эмоций, вряд ли были бы возможны многочисленные анекдоты с такими междометиями – «воззваниями»:

Студента спрашивают дома:

– *Каким тебе показался новый профессор?*

– *Очень набожный человек.*

– *Почему ты так решил?*

– *А он, слушая мой ответ, все время восклицал: «Боже мой!»*

(Антология мирового анекдота. С. 449)

* * *

– *Слушай, все говорят, что у меня жена похожа на Деву Марию!*

– *Да ну!*

– *Хочешь, фотографию покажу? Вот, держи. (Тот смотрит.)*

– *Матерь божья!*

(Комсомольская правда, 16 ноября 2002 г.)

* * *

Учитель спросил:

– *Вовочка, как ты думаешь, где сейчас находится Господь Бог'.*

– *Наверное, все еще в нашей ванной.*

– *Это почему же? – удивился учитель.*

– *А утром, когда я мылся, слышал, как папа сказал:*

«*Господи! Сколько же ты будешь там сидеть?»*

(Лучшие анекдоты для вашей компании. С. 308).

Ср. вариант, где производное междометие как бы возвращается в «домеждометную стадию»,

где происходит актуализация обоих смыслов и их столкновение - «равноговориение» [9. С.3]:

В ресторане. Пьяный клиент:

– *Официант, у вас есть амброзия?*

– *А что это?*

– *Напиток богов!*

– **Боже мой!** Простите, я вас сразу и не узнал!...

(Комсомольская правда, 16 ноября 2002 г.);

* * *

– *Видимо, я очень похож на Христа.*

– *С чего ты взял?*

– *Вчера одна старушка в автобусе сказала мне: «Господи, ну куда ты прешь?»*

(Огонек, 1999, № 12).

То обстоятельство, что с междометием *тьфу* связаны только отрицательные эмоции (в отличие от междометий - звукообразов различных эмоций *тина*, *ах*, *ой*), использовано в анекдоте, где все содержание препозитивного контекста является предметом оценки:

Два приятеля:

– *Ты знаешь, она мне вчера, судя по всему, отказала.*

– *Какая глупость! Когда женщина говорит «нет» – это значит «да»!*

– *Сам ты глуп! Она сказала: «Что? Тьфу!»* (Лучшие анекдоты для вашей компании. С. 186).

Ср. другой вариант этого анекдота:

Два приятеля:

– *Ты знаешь, она мне вчера, судя по всему, отказала.*

– *Ерунда! Когда женщина говорит «нет» – это значит «может быть».*

– *Но она мне сказала: «Что? Тьфу!»* (Санников В.З., 2003: 469).

Сравним словарное толкование этого междометия, где объясняются истоки его появления: «1. Употребляется звукоподражательно для обозначения звука, издаваемого при плевании; 2. Употребляется для выражения презрительного отношения говорящего к кому-либо или чему-либо или для выражения раздражения, негодования» [Малый академический словарь-2]. В.В. Виноградов [7. С 591] подчеркивал «однообразие значений моторно воспроизводящего междометия *тьфу*».

В современный анекдотный дискурс активно вовлекаются элементы нелитературного языка. Ср. междометие *ща*, зафиксированное в Большом словаре жаргонов с пометой *угол*, – *уголовное*:

В школе:

– *Как будет повелительное наклонение от глагола молчать?*

– **Ща!** (Тосты и анекдоты. С. 187)

Прагматическое различие этикетных междометий, используемых в различных ситуациях прощания, обыгрывается в следующем анекдоте:

Доктор, уходя в отпуск, обходит палаты:

– *До свидания, Иванов.*

– *До свидания, Петров.*

– *А вы, Сидоров, прощайте.* (Анекдоты. Черный юмор. С. 369).

Анекдот справедливо определяется как словесная миниатюра «с чрезвычайно повышенным удельным весом отдельного слова» [9.С.10]. В данном анекдоте содержание (а это анекдот из так называемой серии «Черный юмор», ибо имплицитно выражается мысль о скорой смерти одного из персонажей анекдота) строится на противопоставлении двух слов - междометий «*до свидания*» и «*прощайте*», противопоставлении, которое имеет не речевой, а в толковых словарях русского литературного языка это слово сопровождается пометой *прост*, (просторечное) [См. Большой академический словарь, Малый академический словарь, Малый академический словарь-2.]. В силу негомогенности понятия просторечия (под просторечием имеется в виду и речь людей, недостаточно владеющих нормами литературного языка, и сознательное отступление от нормативных стандартов) в современной лексикографии все чаще отказываются от этой пометы, которую В.Д. Девкин назвал «безграмотной» [10. №6]. Действительно, более точной была бы по отношению к данному междометию помета «жаргонное». Оно имеет языковой, системный характер, благодаря чему, собственно и формируется данный анекдот. Сравним:

[Ирина]: До свидания!

[Федогик]: Не до свидания, а прощайте, мы больше уже никогда не увидимся. (А. Чехов «Три сестры»).

Толковые словари указывают на прагматические особенности использования междометия «*прощайте*». Сравним: «Употребляется как выражение необходимости, неизбежности расстаться с кем-либо или чем-либо, лишиться кого-либо, чего-либо [Малый академический словарь-2].

Категориальное значение этих этикетных («*прощальных*») междометий в приведенном анекдоте имплицитно передает и интенции отправителя речи, которые становятся очевидны реципиенту дискурса анекдота.

Литература:

1. Ломоносов М.В., Полное собрание сочинений. Т.7. М., 1952, С.130-131

2. Дмитриев А.В., Сычев А.А., Смех. Социофилософский анализ. М.: Альфа – М, 2005, С.367

3. Иметов Б.И., Тамаша. Ош, 2004, С.77, 52, 69, 65

4. Абдувалиев И., Кыргыз тилинин морфологиясы. Бишкек, 2008. С.232
5. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз, 1941. С.100
6. Карпов Л.П., Междометия русского языка и их синтаксические функции. Автореферат дисс. кан.фил.наук. Ростов на Дону, 1971: С.4, 24
7. Виноградов В.В., Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972, С. 590,591
8. Русская грамматика. Т.1. М.: Наука, 1980. С. 733
9. Иванов В.М. Явление эквивокации в дискурсе анекдота в современном немецком языке. Автореферат дисс. кан.фил.наук., Иркутск, 1999. С.3,10
10. Девкин В.Д. Рецензия на Большой толковый словарь// Вопросы языкознания, 1999, №6

Самарин Дмитрий Александрович

НОРМАЛИЗАЦИОННЫЙ ХАРАКТЕР ПИСЬМА В ЯЗЫКЕ

*кандидат филологических наук, доцент
Байкальский государственный университет, г. Якутск*

THE NORMALIZING CHARACTER OF WRITING IN THE LANGUAGE

Samarin Dmitrii Aleksandrovich

Ph. D. in linguistics, assistant professor

Baikal State University, Yakutsk

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается характер нормализационного взаимовлияния устной и письменной речи. Анализ лингвистических концепций ряда отечественных и зарубежных учёных показал, что письменный литературный язык непосредственно создаётся живой речью и не может служить её заменой. Но именно письмо обеспечивает сохранение и передачу языковых норм.

ABSTRACT

In this article the character of a normalizing interrelation of oral and written speech is considered. The analysis of linguistic conceptions of several national and foreign scientists has shown, that the written literary language is directly created by a living speech and cannot act as its substitute. But namely the writing ensures conservation and transfer of language norms.

Ключевые слова: письменная речь; норма; литературный язык; слово; разговорная речь; грамматика; национальный язык.

Key words: written speech; norm; literary language; word; colloquial speech; grammar; national language.

Хотя письменная речь возникла намного позже устной и считается вторичной по отношению к ней, в последующие периоды развития языка она стала приобретать всё большее значение. Роль письма, прежде всего, связана с возможностью сохранения устных памятников в материальной форме и передачи их последующим поколениям.

Понятие литературного языка неотделимо от письменной речи. Рассмотрение разных периодов истории языка демонстрирует и различие взаимоотношений между письменной и устной речью. В письме находит отражение культурный прогресс человеческой цивилизации. Значение письма для культуры издавна подчёркивалось философами и исследователями языка. О русском литературном языке можно вести речь уже с начала XVI в., но подлинно национальным языком он стал в первую половину XIX в., в эпоху

А. С. Пушкина. В «Истории русского литературного языка» Г.О. Винокур писал: «В основе этого языка, постепенно вытеснявшего собой местные разновидности деловой речи и, таким образом, получившего в известный момент значение языка общегосударственного, лежал московский говор XVI—XVII вв.» [5, с. 111]. К XVI в., например, относится частичное становление письменной нормы английского литературного языка, представленной в произведениях Ф. Бэкона и У. Шекспира. К тому же периоду относятся и образцы литературного французского языка П. Ронсара и Ж. дю Белле.

К XIX-XX вв. относятся наиболее серьёзные работы, посвящённые проблеме литературного письменного языка. О значении письма для развития языка и знаний о нём писал великий немецкий учёный Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835). В работе «Ueber den Zusammenhang

der Schrift mit der Sprache» («О связи письма с языком») он подчёркивал знаковую, посредническую, природу письма: «Письмо в самом обширном понимании, напротив, – передача только мыслей, которая происходит посредством звуков» [10, S. 430]. Далее основатель общего языкознания обращал внимание на необходимость установления связи между этими письменными символами и словами, выражающими мысли и ощущения.

В европейской лингвистике на отличительные черты письма отчётливо указал Фердинанд де Соссюр (1857-1913). В своем «Курсе общей лингвистики» швейцарский лингвист заявлял: «Язык и письмо – две системы различных знаков; единственная причина существования второго – представлять первый; предмет лингвистики не определяется комбинацией слова графического и слова звучащего; это последнее само создает себе этот объект» [12, р. 45]. Ф. де Соссюр признавал, что графическое слово, тесно переплетаясь со звучащим словом, часто фактически получает приоритетное значение.

О решении проблемы соотношения письма и устной речи в России много размышлял крупный русско-польский языковед Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1845-1929). В статье «Обозрение славянского языкового мира в связи с другими ариоевропейскими (индогерманскими) языками» по материалам лекции, прочтенной за тридцать лет до выхода соссюрского «Курса общей лингвистики», он замечал: «Каждый пусть даже самый незначительный письменный язык может рассматриваться как исток целой культурно-языковой жизни» [3, с. 135]. В письменном языке, соответственно, сохраняются нормы и правила для будущих поколений. Это утверждение, относится, естественно, не только к славянским языкам. В этом отношении учёный считал важным то, что каждый письменный язык представляет собой общий язык общения всех членов определённого общества (нации).

Над проблемой письма задумывались и ученики И. А. Бодуэна де Куртенэ. Значительный вклад в изучение письменной речи внёс его преемник по Казанской лингвистической школе Василий Алексеевич Богородицкий (1857-1941). В коммуникативной функции языка В. А. Богородицкий видел саму его природу как сочетания письменной и живой речи. Это принцип он отразил в первой из «Лекций по общему языковедению»: «В этом смысле язык есть средство обмена мыслей (т.е. средство передавать свою мысль другим и воспринимать чужую), *наиболее совершенное* по сравнению с гораздо менее совершенным – жестами» [1, с. 1-2]. Данный обмен обеспечива-

ется символической функцией слов для выражения понятий и мыслей. Но письменную разновидность языка исследователь не противопоставлял разговорной речи, поэтому в «Общем курсе русской грамматики» призывал: «Письменный литературный язык следует изучать в связи с живою разговорною речью, так как эта последняя служит настоящим источником письменного литературного языка» [2, с. 1-2]. Разговорную речь русский учёный считал подлинным объектом науки о языке, разделяя мнение своих коллег.

Датский лингвист Отто Есперсен (1880-1943), посвятивший часть своей научной жизни исследованию грамматики английского языка, считал важной задачей лингвистики реформирование произношения не только в этом, но и французском, русском и других языках. Свою позицию он выразил в статье «What is the use of phonetics?»: «Повсюду образованные классы более или менее систематично за последние несколько веков делали всё в своей власти, чтобы препятствовать этой подгонке написаний звукам, что необходимо, если письменный язык останется, или снова станет тем, чем он был повсюду для начала, допустимо точным изображением разговорного языка» [11, р. 283]. Это положение с резким противоречием произношения написанию О. Есперсен считал абсурдным. Особенно в этом отношении отличился именно английский язык, исторически смешавший в себе основные черты немецкого и английского языков. Пример О. Есперсена показывает, что живой, разговорный язык изменяется быстрее по сравнению с его письменной формой.

Сохраняя преданность принципам И. А. Бодуэна де Куртенэ, Лев Владимирович Щерба (1880-1944) аналогичным образом считал объектом языкознания, прежде всего, живой язык, а не письменные тексты, на изучение которых ориентировалась прежняя лингвистика. В статье «О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов» он подчёркивал: «Тем не менее для меня совершенно ясно, что этот вопрос неминуемо должен быть выдвинут в науке в связи с эмансипацией от письменного языка и обращением к живой речи» [8, с. 144]. Отправным пунктом для рассуждений учёного было обращение к данному в опыте объекту (в случае живого языка) – к процессам говорения и понимания, т.е. речевой деятельности. При разграничении письменного и произносимого языка Л.В. Щерба считал необходимым создание грамматики написанного языка для изучения норм правописания. В статье «О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета» он писал о значимости для его усвоения именно грамма-

тики написанного языка, рассматривающей буквенную, а не звуковую сторону. Вместе с тем петербургский лингвист утверждал: «Но грамматика в сущности сводится к описанию существующих в языке категорий, и если мы данный язык знаем, то эти категории легко нами подмечаются, так как они уже у нас существуют в бессознательном состоянии» [9, с. 12]. Усвоение письменного языка Л.В. Щерба связывал, скорее с книжным языком.

Павел Яковлевич Черных (1896-1970), который был учеником А.М. Селищева, В.А. Богородицкого и Е.Ф. Будде, в докладе «Главнейшие современные течения в области теоретической лингвистики» говорил об изучении национальных языков в новое время. При этом учёный подчёркивал: «Нечего и говорить, что это изучение касается только литературной письменной речи» [7, с. 6]. Напротив, живой разговорный язык и, тем более, народный, игнорировались грамматистами. Такое предпочтение литературной письменной речи, наряду с привилегированным положением классических языков, было характерно для того периода развития лингвистики.

Виктор Владимирович Виноградов (1895-1969), русский литературовед и специалист по русистике, учился у Л. В. Щербы, а после переезда в Москву создал собственную лингвистическую школу. Этот крупный исследователь рассматривал создание русского литературного языка в русле изучения трудов А.С. Пушкина. Уже в начале своей книги «Язык Пушкина» он писал: «Изучение Пушкинского языка — задача, без решения которой нельзя понять историю языка русской литературы XIX века и историю языка повествовательных жанров общей письменной и разговорной речи в первой, половине XIX века» [4, с. 11]. В поэзии и прозе А.С. Пушкина и последующих творцов русской литературы, как считал В.В. Виноградов, и получили воплощение народный и литературный язык их эпохи.

Применение письма позволяет не только продумывать речь, но и организовывать её постепенно, сознательно выбирая самые подходящие языковые средства для выражения своей мысли. Эти моменты были освещены в статье «Аспекты изучения проблемы соотношения устной и письменной речи» Т.А. Пережогой. В этой связи она подчёркивала: «Это делает её более сложной по структуре, приводит к возникновению таких специфических черт, как большая связность, логичность» [6, с. 32]. Письменная форма имеет колоссальное значение в формировании и развитии литературного языка.

Как продемонстрировано в данном исследовании, нормализующий характер письма по отношению к речи несомненен. В письменной речи

непосредственно фиксируются новые формы и случаи употребления слов. Не стоит забывать и о том, какое значение оно имеет для сохранения как литературного, так и народного языка, а также его диалектальных проявлений.

Литература:

1. Богородицкий В. А. Лекции по общему языковедению. — Изд. 3-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 312 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

2. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (Изъ университетскихъ чтений). — Издание 4-ое, дополненное. — Казань: Типо-литография Императорскаго Университета, 1913. — vi, 552, [1] с., [5] л. ил.

3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Обзорение славянского языкового мира в связи с другими арио-европейскими (индогерманскими) языками // Избранные труды по общему языкознанию. — Т. I. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. — С. 127-138.

4. Виноградов В.В. Язык Пушкина. — М.-Л.: Academia, 1935. — 457 с.

5. Винокур Г. О. История русского литературного языка / Общ. ред. С. Г. Бархударова. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 184 с. (История языков народов Европы.)

6. Пережогова Т.А. Аспекты изучения проблемы соотношения устной и письменной речи Пережогова Т.А. Аспекты изучения проблемы соотношения устной и письменной речи // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. Вып. 4. — 2005. — С. 29-32.

7. Черных П.Я. Главнейшие современные течения в области теоретической лингвистики // I Современные течения в лингвистике. — Иркутск: Иркокрит № 1533, Типогр. изд. «Власть Труда», 1929. — С. 3-39.

8. Щерба Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слов // Языковая система и речевая деятельность. — Изд. 2-е, стереотипное. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — С. 141-146.

9. Щерба Л.В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Избранные работы по русскому языку. — М.: Аспект Пресс, 2007. — С. 11-20.

10. Humboldt W. von. Ueber den Zusammenhang der Schrift mit der Sprache // Gesammelte Werke. — 6 B. — Berlin: Verlag von G. Reimer, 1848. — S. 426-525.

11. Jespersen O. What is the use of phonetics? // Selected writings. — New York: Routledge. 2010. — Pp. 280-286.

12. Saussure F. de. Cours de linguistique générale. — Paris: Edition Payot & Rivages, 1997. — 520 p.

Цынк Светлана Владимировна

ОПИСАНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОГО УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА «ФИЛОСОФСКИХ» ИНТЕНЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ОЧЕРКА «ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ»)

кандидат филологических наук, доцент

Димитровградский инженерно-технологический институт – филиал Научно-исследовательского ядерного университета «Московский инженерно-физический институт», г. Димитровград

DESCRIPTION OF PRAGMATIC LEVEL OF ALEXANDER I. SOLZHENITSYN'S LINGUISTIC PERSONALITY (AS EXEMPLIFIED IN «PHILOSOPHICAL» INTENTIONS OF THE HISTORICAL ESSAY «TWO HUNDRED YEARS TOGETHER»

Tsynk Svetlana Vladimirovna

Candidate of Science, assistant professor of

Dimitrovgrad engineering and technological Institute – branch of the National Research Nuclear University (Moscow Engineering Physics Institute), Dimitrovgrad

АННОТАЦИЯ

В статье описывается прагматический уровень языковой личности А. И. Солженицына, дано определение интенции (коммуникативной интенции) как осознанности человеческой коммуникации, направленности сознания автора на достижение цели, из-за которой он говорит (пишет); интенциональности как системы интенций. Выявлены элементы структуры коммуникативной интенции (объект речи и отношение к нему субъекта), языковые средства реализации интенции. Также разработан и описан метод интенционального анализа высказывания, на основе которого автор статьи характеризует «философские» интенции исторического очерка «Двести лет вместе», приходит к выводу о том, что изучаемое произведение направлено на прояснение смысла Бытия.

ABSTRACT

The focus of the article is on the pragmatic level of Alexander I. Solzhenitsyn's linguistic personality. The author gives a definition of communicative intention as intended human communication, interlocutor's focus on the goal of communication (namely, what he speaks or writes for), intentionality being defined as a system of intentions. Communicative intention's structural elements are revealed (namely, speech object and the subject's attitude to them), as well as linguistic means of realization of intention. Also, method of intentional analysis of an utterance is presented and described; on its basis, the author of the article characterizes "philosophical" intentions of the "Two Hundred Years Together" historical essay, arriving at the conclusion that the studied work aspires to conceive the mystery of Being.

Ключевые слова: прагматический уровень языковой личности (прагматикон), интенция, коммуникативная интенция, структура коммуникативной интенции, языковые средства реализации коммуникативной интенции, интенциональность, интенциональный анализ (интеннт-анализ), А. И. Солженицын.

Keywords: pragmatic level of linguistic personality (pragmaticon); intention; communicative intention; communicative intention structure; linguistic means of communicative intention's realization; intentionality; intentional analysis (intent-analysis); Alexander I. Solzhenitsyn.

По мнению Ю.Н. Караулова, второй уровень языковой личности – это уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающий прагматикон личности, то есть систему целей, мотивов, установок и интенциональностей личности [5, с. 236]. В анализе языковой личности на этом уровне обеспечивается закономерный переход от оценок речевой деятельности автора текста к осмыслению его деятельности в мире.

Цель высказывания организует его внешнее выражение и содержание, то есть речь – это

целенаправленный акт. Адресант создает сообщение, чтобы достигнуть цели, предполагаемого результата. Однако цель сама по себе не может обеспечить течение речи без включения дополнительных звеньев, побуждений. Такое звено – это интенция – намерение продуцировать то или иное содержание. Мотив – это то, ради чего высказывается мысль. Речевое действие обычно направляется не одним мотивом, а системой мотивов, не всегда совместимых. Среди них можно выделить

доминирующую мотивацию, которая и определяет интенцию.

Понятие интенции имеет давнюю историю. В настоящее время оно используется в философии, социологии, психологии, лингвистике. Предмет лингвистического анализа - коммуникативная интенция – направленность сознания говорящего на достижение представляемой им цели, из-за которой он вступает в общение; осознанность коммуникации. Коммуникативные интенции передают информацию, необходимую для понимания внутреннего отношения адресанта к действительности. Интенция всегда направлена на некоторый объект и выражается к чему-либо или к кому-либо (человеку или группе людей), а также к предмету, явлению, теме. Интенция проявляется в виде эмоционального отношения или когнитивной оценки. В зависимости от наличия в оценочном суждении эмотивного компонента разграничивают эмоциональную и рациональную оценку. Оценочная интенция может выражаться эмотивно-оценочной лексикой, экспрессивным синтаксисом, оценочным суждением, но, чаще всего, – это имплицитная прагматическая информация высказывания. Таким образом, в речевом механизме коммуникативная интенция имеет две части: объект речи и отношение к нему субъекта, поэтому интенциональное содержание речи коммуниканта является его психологической характеристикой. Однако существует также интенция нейтральности, когда коммуникатор информирует адресата нейтрально о фактах, на сообщает своего мнения, не проявляет эмоций.

Исследователями изучается как интенция отдельного высказывания, так и интенция целого текста. Выявление в тексте интенций является способом распознавания (понимания) истинной направленности текста и скрытых (или явных) целей автора.

Под интенциональностью понимаем систему интенций, способность текста отражать авторское коммуникативное намерение.

В современной лингвистике существуют разные подходы к определению интенции, интенциональности, интенционального анализа (интент-анализа). Это психологическое направление, разрабатываемое Т.Н. Ушаковой, Н.Д. Павловой и другими [14], семиосоциопсихологическое направление [3; 1], психолого-семантическое [9; 10; 11], лингвистилистическое [6]. При разработке интенционального метода мы опираемся на труды ученых всех этих направлений.

Интенциональный анализ – это метод, позволяющий реконструировать интенции говорящего (пишущего) по его речи (тексту), описать интенциональные поля (это средства, которые ис-

пользует язык для выражения той или иной интенции). Языковой опыт адресата (в том числе исследователя-лингвиста) и его коммуникативная компетенция помогают ему правильно расшифровать интенциональный компонент текста. Процедура интенционального анализа следующая: выявление интенциональной направленности каждого высказывания, соотнесение с той или иной интенцией, классификация интенций, анализ с точки зрения оценочности (положительная, отрицательная, нейтральная), способов ее выражения, описание языковых средств, реализующих данную интенцию (если интенция прямая, явная).

Как правило, интенция не всегда выражена словесно: цель общения не всегда сообщается адресантом, а мотивы общения, намерения – тем более, потому что они относятся к экспрессивно-эмоциональной сфере личности, далеко не всегда являются достоянием сознания. Однако интенция может реализовываться языковыми средствами. Это лексические и морфологические маркеры интенциональности: глаголы принятия решения, глаголы желания, попытки, перформативы; инфинитивные конструкции со значением намерения, общевопросительные предложения, придаточные предложения обстоятельства цели. А также дейктические слова, частицы, восклицания, нарушения сочетаемости слов, многозначные слова (их контекстуальные, выходящие за рамки узуса значения), повторы [2; 7].

Авторы используют для выражения интенции пресуппозиции. Маркеры пресуппозиции – местоимения, наречия и частицы, такие как «также», «даже» и т.п., глаголы второго лица для общей или более абстрагированной референции, придаточные предложения с союзом «что» при ряде глаголов. Чтобы побудить читателя отнестись с доверием к тому, что сказано, автор использует модальные слова и обороты. Один из наиболее продуктивных способов указания на степень эмоциональной маркированности смыслового содержания высказывания и интенциональности текста – изобразительно-выразительные средства языка.

Таким образом, при анализе произведения нельзя достигать только уровня речевой феноменологии, необходимо добиться более углубленного понимания. Глубинное содержание речи находится в «интенциональном пласте», в намерениях говорящего, которые проявляются в словах (явно или косвенно).

В ситуации «исследователь пишет научный труд» доминирует интенция познания. Это так называемая глобальная текстовая интенция, характерная для произведения А. И. Солженицына «Двести лет вместе». Кроме того, можно выделить частные интенции, к которым относятся

«философские» интенции. Они представлены интенцией философского осмысления течения исторического процесса, духовных явлений, места народов в истории, интенцией вербализации ценностных суждений.

Исследования в области языка науки и психологии научного творчества убедительно доказывают, что «мышление и его языковое выражение даже на самом абстрактном уровне не может быть лишено оценочности, воображения, интуиции и экспрессии» [8, с. 24].

Содержащаяся в следующих фрагментах информация, будучи фактуальной (сообщающей о факте бытия), имеет в то же время оценочный компонент «хорошо». А.И. Солженицын подчеркивает достоинства еврейской нации:

А) Роль маленького, но энергичного еврейского народа в протяжной и раскидистой мировой истории – несомненна, сильна, настойчива и даже звонка. В том числе и в русской истории. Однако она остается – исторической загадкой для всех нас. И для евреев – тоже. Эта странная миссия – отнюдь не приносит и счастья им [12, с. 41].

Б) Отменная талантливость евреев – вне сомнений [13, с.14].

В) Чутче евреев, я думаю, нет народа во всем человечестве, во всей истории [13, с. 23].

Г) Не получили евреи равноправия при царе, но – отчасти именно поэтому – получили руку и верность русской интеллигенции. Сила их развития, напора, таланта вселилась в русское общественное сознание [12, с. 475].

Д) В широком же объеме еврейского сознания уникальность своего народа воспринимается не как бедствие, а как гордость [13, с. 19].

Е) Уже который раз именно евреи – подтолкнули застывшую Историю вперед [13, с. 410].

В последнем высказывании использовано эмоциональное средство воздействия: метафора «подтолкнули Историю».

С отрицательной стороны А.И. Солженицын характеризует русский язык, пишет о его обеднении:

Это наше самопокорение не замедлило отразиться и на самом русском языке – утерей его глубин, красот, сочности, заменю железопрокатным советским волапюком [13, с. 275].

В следующих примерах также реализуется негативная интенция, автор выступает с позиций осуждения:

А) Наши русские слабости – и определили печальную нашу историю... [12, с. 415].

Б) В невыносимой тяжести сознания, что в этом веке мы, русские, обрушили свою историю

– через негодных правителей, но и через собственную негодность, - и в гложущей тревоге, что это, может быть, непоправимо, - увидеть и в русском опыте: не наказание ли то от Высшей Силы? [13, с. 390].

Модальные слова «может быть» при этом передают значение возможности сообщаемого.

В) Смею сказать, что в такой неистовости ликования проявилась черта и неумная и недобрая: неспособность удерживаться на границе меры [12, с. 375].

Использованная конструкция «следует сказать» вводит добавочную интенцию намерения.

В других наблюдаемых «философских» интенциях выявляется нейтральная позиция автора. В ряде высказываний эмоциональное воздействие на читателя оказывают метафоры (вопросы будут состязаться, кора николаевского царствования, копали бездну, компас Божьей нравственности, кометный хвост диаспоры, чувствовалось в воздухе Подступающее, переплел рок, владения посыпались из ее (Европы) рук, разнесло взрывом государственное устройство России, плоды эволюции, играть с историей, вырвали из толщи, эрозия наций, Катастрофа пожирала еврейство, вихри вокруг него (Израиля), евреи были молотом, страна будет лететь в пропасть, дыхание Истории, картины прошлого обладают способностью переворачиваться в сознании, лучик добра, чернь зла):

1. (А отныне – весь XIX век насквозь, и в Государственной Думе до самого 1917 года – вопросы еврейский и крестьянский будут то и дело оказываться смежны, состязаться, так они и переплетутся в соревновательной судьбе [12, с. 135].

В данном примере окказиональная сочетаемость в словосочетании «соревновательная судьба» помогает создать яркий образ.

2. Нет, не впусую прошли в России ни Герцен с «Колоколом», ни Белинский с Грановским, ни Гоголь... Под корою сурового николаевского царствования накоплялась потребность решающих реформ, и силы к ним, и люди к ним... [12, с. 137].

3. Безумствовала революционная молодежь – а расплачиваться досталось пожилому и мирному еврейству. Так – мы копали бездну с двух сторон [12, с. 384].

4. Этих дальних последствий – нам не дано предвидеть никому никогда. И единственное спасение от таких промахов – всегда руководствоваться только компасом Божьей нравственности [12, с. 144].

5. А ведь – чувствовалось в воздухе это Подступающее! – хотя, казалось бы, довольно мирный Девятьсот Девятый год [12, с. 474].

6. *Ведь переплел русских с евреями рок, может быть и навсегда, из-за чего эта книга и пишется [13, с. 330].*

7. *И вся вместе Европа утратила свое гордое звание водителя человечества, обратилась в мишень для зависти, а колониальные владения посыпались из ее ослабленных рук [12, с. 476].*

8. *И в этот самый момент разнесло взрывом вместе с государственным устройством России – и все плоды эволюции, и военное устояние, оплаченное многою кровью, и надежда на расцветную жизнь, - произошла Февральская революция [12, с. 509].*

9. *Смелее предыдущего революционного поколения брались теперь играть с историей [12, с. 360].*

10. *Да, мы настолько уже были забиты до самого донца, столько миллионов вырвали из нашей толпы за десятилетия перед тем, и так обречено было всякое всегда сопротивление властям, - что теперь не могли получить поддержку населения и евреи [13, с. 382].*

11. *Да разве многонациональность человечества – не есть его разносторонность и богатство? Эрозия наций была бы, скорее всего, обеднением человечества, энтропией духа [13, с. 436].*

12. *На оккупированных землях в годы войны в разновременных и разноместных истреблениях пожирала советское еврейство та жесточайшая неотвратимая Катастрофа, которой – рассчитано, методически – обречено было еврейство европейское [13, с. , 387].*

13. *А с возникновением государства Израиль – вихри вокруг него внесли смятение и в невинность европейского социалистического сознания [13, с. 438].*

14. *Я не берусь углубиться в мировые исторические судьбы, не возьмусь спорить в таком объеме, но оговорюсь четко : пусть бы даже во всю мировую историю было так, но с 18 века в России и еще затем лет 15 – примкнувшие к революции евреи были также и молотом, - изрядной долей его массы [13, с. 99].*

15. *Ответим: все же так, издали, преуменьшать достигнутое – нельзя. Тогда – Акт просторно улучшил, резко изменил положение евреев. А что тут же вся страна, со всеми населяющими ее народами, будет лететь в пропасть – это уже объемлющее дыхание Истории [13, с. 31].*

16. *Картины прошлого обладают способностью удобно переворачиваться в нашем сознании – так, чтобы приуспокоить его [13, с. 280].*

17. *О, как должен думать каждый человек, освещает ли он свою нацию лучиком добра или зашлепывает чернью зла [13, с. 92].*

О.В. Евтушенко отмечает: «Высокая концентрация метафор, организованных в структуры большей или меньшей сложности, - характерная черта философского дискурса, роднящая его с художественной речью и отличающая от дискурсов других видов» [4, с. 195]. Таким образом, обилие метафор – показатель наличия элементов философского дискурса в произведении «Двести лет вместе».

А.И. Солженицын сравнивает два исторических события, перформатив «добавлю» - показатель интенциональности - вводит позицию автора:

Добавлю еще одно страшное сходство тех и других погромов: у дикой толпы ощущение своей правоты [12, с. 408].

Историк дает философскую оценку социальному процессу. Модальное слово «разумеется» служит средством логической оценки высказывания:

Разумеется, как и всякий социальный процесс, этот – еще в такой разнообразной и динамичной среде как еврейская – шел не однозначно, двоился; во многих грудях образованных евреев – и щепился [12, с. 454].

Некатегоричное высказывание автора (это значение ему придают модальные слова «может быть») характеризует конкретный исторический документ:

То есть, может быть, этим частным указом 1843 года и следует датировать первую грань эры воздействия европейского еврейства в защиту своих единоверцев в России, - активного влияния, уже затем не прекращавшегося [12, с. 128].

Интенция философского осмысления истории подчас сочетается у А.И. Солженицына с интенцией пожелания, нацеленного на будущее:

А) А глядя в наступающее человеческое будущее – сочетание в себе и национального, и универсального – может быть, самое необходимое (и победное) качество для новых столетий. Можно только пожелать его и нам, русским, и всем народам [13, с. 20].

Б) Надо нам привыкнуть говорить о еврейском вопросе не приглушенно и пугливо, но отчетливо, ясно, обоснованно [13, с. 439].

В) И век спустя все мы поражены: нам приходится предположить не близкое отмирание национальных чувств (как нам целое столетие вбивали в голову интернационал-социалисты), но – их укрепление [13, с. 436].

Г) И правда бы. И очнуться бы всем нам на несколько десятилетий раньше (Евреи и очнулись много раньше русских [12, с. 469].

Следующие высказывания, включенные историком в текст произведения, афористичны,

т.е. представляют собой мысли, выраженные в предельно сжатой и стилистические совершенной форме. Это поучительные выводы, широко обобщающие смысл явлений. Появление афоризмов у А.И. Солженицына не случайно, ведь тяготение к афористичности выражения характерно для произведений философски насыщенных, решающих важные проблемы. Примеры, реализующие интенцию вербализации ценностных суждений:

А) Так злоба, проявленная в одном месте, потом отдается в другом, далеко – и на совсем невинных [12, с. 341].

Б) Но: уступки следует делать заблаговременно и в позиции силы, а не в условиях уже прикатившей слабости [12, с. 368].

В) Тем более ни одной нации или вере не дано судить другую [12, с. 458].

Г) В истории важно и что народы друг о друге думали [13, с. 360].

Д) Да, у измученных своими бедами людей и народов нередко падает порог сочувствия к бедам других [13, с. 394].

Е) Поворот общественного сознания часто выбирает себе отдельных лиц как своих выразителей, вдохновителей [13, с. 448].

Ж) Вот такой подход мне кажется наиболее верным: принадлежность к народу определяется по духу и сознанию [13, с. 11].

З) Согласимся с этим и мы. О людях – судить по их духу [13, с. 75].

И) А круговая ответственность народа – и ведь русского тоже – неотъемлема от его способности построить достойную жизнь [13, с. 120].

К) Самый верный путь к общественной истине – признавать свои ошибки, с каждой, с любой стороны [13, с. 186].

Таким образом, наличие в тексте «филологических» интенций свидетельствует о том, что историческая проза А.И. Солженицына направлена на прояснение смысла Бытия. Мы попытались описать интенциональную направленность психики исследователя и ее проявление в речи. Основные языковые средства выражения подтекста в проанализированных фрагментах: модальные слова, метафоры, перформатив, инфинитивная конструкция.

Список литературы:

1. Адамьянц Т. З. Социальная коммуникация. – М.: ИСРАН, 2005. – 158 с.

2. Бондарко А. В. Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. – СПб: Наука, 2005. – 480 с.

3. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. – М.: Наука, 1984. – 232 с.

4. Евтушенко О. В. Художественная речь как инструмент познания. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 552 с.

5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 168 с.

6. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста. АДД. – М., 2009. – 33 с.

7. Кобозева И. М. К распознаванию интенционального компонента смысла высказывания (теоретические предпосылки) // Труды международной конференции. Диалог 2003. компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. – М.: Наука, 2003. – С. 267-271.

8. Кудасова О. Н. Роль стилистического приема в организации научного оценочного текста // Язык и стиль научного изложения: Лингвометодические исследования. – М.: Наука, 1983. – С. 23-34.

9. Олешков М. Ю. Лингвопрагматический аспект системного моделирования дискурса // Новая Россия. Материалы всероссийской научной конференции. Под ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: издательство УрГУ, 2005. – С. 290-294.

10. Олешков М. Ю. Интенция как основа коммуникативной стратегии в институциональном дискурсе. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 401-402.

11. Олешков М. Ю. Интент-анализ дидактического дискурса // Вестник ЦМО МГУ, 2009. - № 1. – С. 115-120.

12. Солженицын А. И. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2001. Т. 1. - 512 с.

13. Солженицын А. И. Двести лет вместе. – М.: Русский путь, 2002. Т. 2. = 552 с.

14. Ушакова Т.Н., Павлова Н. Д. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. – СПб: Алетейя, 2000. – 314 с.

Шаталова Е.Е.¹, Исаева Е.В.²

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ОСОБЕННОСТИ АННОТАЦИЙ (на материале статей научной и технической тематик)

¹студентка Томского политехнического университета, г. Томск

²кандидат филологических наук, доцент Томского политехнического университета, г. Томск

GENRE-FORMING FEATURES OF THE ANNOTATIONS

(based on the science and technology articles)

Shatalova Ekaterina

Student of Tomsk Polytechnic University, Tomsk

Isaeva Evgenia

Candidate of Science, assistant professor of Tomsk Polytechnic University, Tomsk

Статья посвящена рассмотрению основных жанрообразующих особенностей аннотаций в текстах научно-технических стилей. Анализ аннотаций позволяет изучить само понятие аннотации, ее основные виды и типы; определить требования, ключевые слова и фразы, характерные для аннотаций, а также выявить основные жанрообразующие признаки, на основе которых возможно построение аннотации, отвечающей всем предъявляемым требованиям к подобного рода жанрам.

The article discusses the main genre-forming features of the annotations in the science and technology articles. Analysis of the annotations allows to study the concept of annotation, its basic types and forms; to define the requirements, key words and phrases, characteristic for the annotations, and identify the main genre-forming attributes.

Ключевые слова: аннотация; жанр; жанрообразующие особенности; требования; ключевые слова и фразы ; научно-технические статьи.

Keywords: annotation ; genre; genre-forming features; requirements; key words and phrases; the science and technology articles.

Жанроведение как самостоятельная лингвистическая дисциплина начала активно развиваться в последние десятилетия, начиная с публикации в 1979 году ставшей сегодня классической работы М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров».

У понятия «жанр» не существует единого определения, как и единой системы жанрового деления. Причин этому несколько: жанр, вид и род являются смежными понятиями, в результате чего их путают (то, что в одном источнике называют жанром, в другом относят к видам, и наоборот); жанры менялись, исчезали и появлялись в процессе исторического развития искусства, литературы и журналистики, поэтому границы между ними порой весьма расплывчаты; некоторые ученые выделяют несколько плоскостей жанровой дифференциации, каждая из которых отвечает какой-либо грани сложного строения и функционирования коммуникативного акта [6].

По существу, жанр есть тип высказывания в рамках определенного дискурса.

Анализ текстов научно-технической тематики выявляет ряд особенностей. Тому есть объяснения. Первопричиной их возникновения является интенсивный процесс пополнения словар-

ного состава все новыми и новыми терминологическими названиями в связи с постоянными научно-техническими открытиями [6].

В настоящее время особенно важно учитывать жанрообразующие особенности жанра аннотаций в научно-технических статьях.

Несмотря на то, что аннотации на первый взгляд кажутся несложным жанром и каждый человек неоднократно сталкивается с ними при выборе книг или учебников, на страницах журналов, газет или в просторах Интернета, на самом деле аннотации обладают большим количеством особенностей и требований, при нарушении которых может измениться и само представление аннотации. Поэтому аннотация является важным и интересным жанром для исследования.

Аннотация (от лат. *Annotatio* – замечание) – краткая характеристика книги, статьи, сборника, ее содержания, назначения. Это своего рода рекомендация. Именно по этой причине пересказ в аннотации не допустим. Отличительной чертой аннотации является ответ на вопрос: «О чем идет речь в статье?» [3].

Аннотация – объективированный жанр, авторское «я» в нём не проявлено, что связано с целевой установкой аннотации – дать читателю представление о содержании статьи без ознакомления с полным текстом [5].

Основные характеристики аннотации:

- информативность;
- содержательность;
- структурированность;
- качество языка;

Рекомендуемый средний объем аннотации 500 печатных знаков (ГОСТ 7.9-95 СИБИД) [7].

Для выявления жанрообразующих особенностей жанра аннотации было проанализировано 50 аннотаций на материале русскоязычных научно-технических текстов. В результате были выделены следующие жанрообразующие особенности.

I. По характеру представления содержания:

1) рекомендательные аннотации, часто содержащие довольно критическую оценку. В них говорится о значимости произведения для читателей. Для такой аннотации необходимо найти аргументы, которые должны убедить читателей ознакомиться с работой или статьей.

Существует определенная схема рекомендательных аннотаций:

- информация об авторе;
- замечания или комментарии по содержанию;
- оценка работы, которая выставляется после краткого сравнения с аналогичными произведениями.

2) справочные аннотации, основная цель которых – обратить внимание читателя на особенности изданий, на характер приложения, на художественный, а возможно – технический, уровень текста.

Для такой аннотации необходимо:

- раскрытие основной задумки заголовка;
- краткий обзор содержания;
- отчет об авторе книги;
- описание иллюстраций;

II. По охвату содержания:

1) Общие аннотации, которые, как правило, характеризуют документ целиком. Могут быть как справочные, так и рекомендательные. Пишут их для достаточно обширной аудитории читателей. Пересказ в таких аннотациях не допустим, нужно лишь оговаривать основную идею и способы ее воплощения.

2) Специализированные аннотации создаются для очень узкого круга читателей. В них отражаются лишь основные моменты произведения, к примеру – технические особенности или другие описание героев, и пр. Как правило, чаще всего это справочные аннотации, но бывают и рекомендательные.

III. По объему и глубине:

1) описательная аннотация приводит лишь описание материала, не раскрывая его содержания. Такая аннотация, как правило, содержит назывные предложения, являющиеся обобщенным изложением плана аннотируемой статьи или книги для информации потенциального читателя. Описательная аннотация приводится в начале книги и начинается с выходных данных.

2) в реферативной аннотации излагается содержание аннотируемого материала в связной, предельно сжатой и обобщенной форме. Подобная аннотация обычно помещается на суперобложке издания и имеет своей целью привлечь читателя, а также может составляться и для информативных целей по статьям и изданиям [4].

Приведем несколько примеров анализа аннотаций.

1) *В статье рассматривается роль арендного жилья на рынке недвижимости крупных российских городов. Дана характеристика данного типа недвижимости, а также доказана необходимость совершенствования рынка арендного жилья. Рассмотрены факторы, способствующие легализации рынка аренды.* (Аннотация к статье «Доходные дома как неотъемлемый элемент российской экономики». Автор: Швед Н. А.), [1].

Определим жанрообразующие особенности данной аннотации:

I. по характеру

- справочная (привлечено внимание читателя к особенностям издания, на характер приложения)

II. по охвату содержания

- специализированная (предназначена для определенного круга лиц, интересующихся или занимающихся недвижимостью).

III. по объему и глубине

- описательная (приводится лишь описание материала, не раскрывая его содержания)

2) *Цель статьи состоит в разработке математической модели обслуживания и описании возможности ее применения в задачах оптимизации. Показано, что с использованием данной модели возможно выполнение оптимизации периода профилактики и стоимости обслуживания. Состояние автоматизированной системы описывается в виде случайного процесса, имеющего несколько состояний; представлены ее структура и основные экранные формы.* (Аннотация к статье «Модель стратегии обслуживания автоматизированной системы». Авторы: Дагаев А. В., Ткаченко Г. И.), [1].

I. по характеру

- справочная (привлечено внимание читателя к особенностям издания, на характер приложения)

II. по охвату содержания

- специализированная (предназначена для определенного круга лиц).

III. по объему и глубине

- описательная (приводится лишь описание материала, не раскрывая его содержания)

3) Раскрываются понятия инновация, новшество, нововведение. Предлагаются к обсуждению различные структуры инновационного процесса в образовательных учреждениях. Актуализируется проблема эффективного управления внедрением инноваций на основе современных теорий менеджмента. (Аннотация к статье «Понятие, структура и содержание инновационного процесса в университетской образовательной среде. Автор: С.Н. Степанова), [1].

I. по характеру

- справочная (привлечено внимание читателя к особенностям издания, на характер приложения)

II. по охвату содержания

- специализированная (предназначена для людей, чья профессия связана с менеджментом, и для лиц, заинтересованных в данной области).

III. по объему и глубине

- описательная (приводится лишь описание материала, не раскрывая его содержания)

Все аннотации объединяет то, что все они обладают ярко выраженными жанрообразующими особенностями. Данный жанр дает возможность установить основное содержание научной статьи, определить ее релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту статьи. В большинстве аннотаций приводится лишь описание материала, но это становится достаточным для понимания того, о чем будет идти речь в статье или книге. В научно-технических статьях и учебниках чаще всего встречаются справочные аннотации, с целью привлечь внимание читателя к особенностям издания, на характер приложения. Также большинство аннотаций предназначены для определенного, узкого круга лиц.

Автором настоящей работы были выделены ключевые слова и фразы, которые можно использовать в процессе написания аннотации к научной статье:

План составления аннотаций	
1. Общая характеристика содержания текста	<i>В статье рассматривается... Показан (что?)... Большое место в работе занимает рассмотрение (чего?) ... Статья посвящена...</i>
2. Краткая характеристика первоисточника	<i>Особое внимание уделяется вопросам (чего?)... Цель статьи - показать... Автор ставит целью проанализировать... Дана характеристика... Характеризуется (что?).. Рассматривается (что?)... Констатируется, что...</i>
3. Назначение Текста	<i>Статья предназначена (для кого?); Рекомендуется (кому?) Для студентов, аспирантов... Адресована (кому?) ...</i>
4. Стремление заинтересовать читателя	<i>Книга является продолжением сборника... В статье раскрываются процессы...</i>

Написание аннотации является одним из ключевых моментов всей проделанной работы в процессе её создания. Наличие большого количества клише и жанрообразующих особенностей до-

казывает, что аннотации строятся по определенной схеме и требует концентрации мыслей и внимания.

Список литературы:

1. **Архив научных статей** - <http://www.gramota.net/materials.html>
2. **Демидова А.К.** Пособие по русскому языку. Научный стиль речи. Оформление научной работы: Учебное пособие. – М.: Рус. яз., 1991.
3. **Ефремова Т.Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000
4. **Нелюбин Л.Л.** Толковый переводоведческий словарь. - 3-е издание, переработанное. — М.: Наука, 2003
5. **Сысоев П.В.** Правила написания аннотации // ИЯШ. 2009. №4. С. 81–83.
6. **Тертычный А.А.** Жанры периодической печати: Учебное пособие. – Москва: Аспект Пресс, 2000.
7. **Шамурин, Е. И.** Методика составления аннотаций / Е.И. Шамурин. – Москва, 1959.

ISSN 95420762

МНО «Наука без границ»

Ежемесячный научный журнал

№ (2) 20 / 2016

Главный редактор — д.фил.н. Андреева И.В.

Ответственный секретарь — к.фил.н. Заворюхин К.П

 Азарова Э.Н. – д.ф.н.

 Бербик З.В. – д. филос.н., член РАН

 Михайлова Т.Н. – д. ф. н.

 Незамичев К.К. – д.п.н.

 Остюшкин Д.П. - д.ф.н.

 Петрусинская Н.Я. – д.п.н.

 Поганяйло С.О. – д.филос.н.

 Самроский Д.Ю. – д.и.н.,

 Чижиков П.П. – д.п.н.

 Фамильцев Р.Ф. – д.соц.н., научный сотрудник РАН

 Шелудько О.З. – к.ф.н.

 Шевцова О.В. – д.полит.н.

 Яремчев Ю.Е. – д.филос.н.

Ответственный редактор: д.фил.н. Андреева И.В.

Художник: Азарова Катерина Тихоновна

Верстка: Ручников Сергей Антонович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 56

Адрес электронной почты: info@mnoborders.ru

Адрес веб-сайта: <http://mnoborders.ru/>

Учредитель и издатель МНО «Наука без границ»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620142, г. Екатеринбург, Щорса ул., д. 5